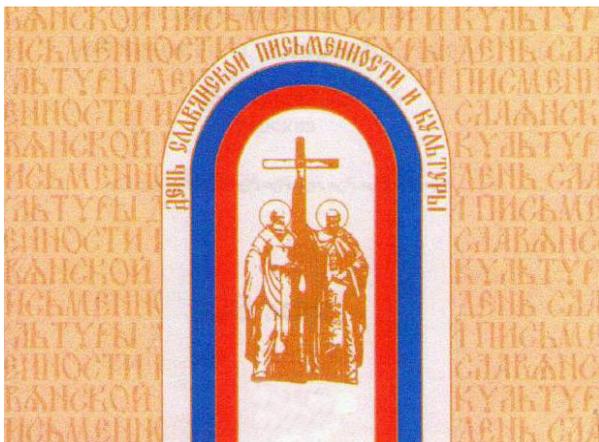

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**Славянский мир:
общность и многообразие
Москва, 24 мая 2016 г.**

**ТЕЗИСЫ
МОЛОДЕЖНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
В РАМКАХ ДНЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ**

Москва 2016

Редколлегия:

А.В. Амелина,

Н.С. Гусев,

А.А. Леонтьева,

Г.П. Пилипенко,

М.В. Ясинская,

отв. ред.: Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова.

Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 24 мая 2016 г. В 3-х частях. Москва: ИСЛ РАН, 2016. 66 с.

Более двадцати лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры традиционной славистической научной конференцией. В 2014 году ей был придан новый формат: молодежная научная конференция с участием иностранных докладчиков. В 2015 и 2016 гг. традиция была продолжена. В нынешнем году молодые ученые вновь обсуждают широкий круг проблем, связанных с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном, международном контексте; с типологией славянских языков и диалектов, лингвогеографией, социо- и этнолингвистикой; с формированием, развитием, современным состоянием и перспективами славянских литератур и пр.

ISBN – 978-5-7576-0363-6

© Институт славяноведения РАН, 2016

© Авторы, 2016

Часть I

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

ГИМАДЕЕВ Т.В.

*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

ТРАКТОВКА ИСТОРИИ ЧЕХИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ Й. ПЕКАРЖА

Выдающийся чешский историк первой трети XX в., Йозеф Пекарж (1870–1937), наиболее известен как автор таких работ, как «Древнейшая чешская рукопись», «Книга о Косте», «Ян Жижка и его эпоха», «Смысл чешской истории» и др., в которых он осветил различные страницы истории Чехии в Средневековье и раннее Новое время. Но есть и другой аспект деятельности Пекаржа: он также был автором двух очень очень популярных в свое время учебников по истории Чехии. Первый его учебник вышел под заглавием «История нашей империи» в апреле 1914 г., а в 1921 г., уже в условиях независимости, он издал «Чехословацкую историю». В данном докладе автор провел сравнительный анализ двух учебных изданий, увидевших свет в разных государствах.

На основании анализа этих пособий можно сделать вывод о том, что речь стоит вести скорее о двух редакциях одного и того же текста. Безусловно, исторический контекст наложил свой отпечаток на содержание учебников. Но в этих изданиях Пекарж излагает одну и ту же версию исторического развития Чехии и Центральной Европы. Большая часть текста перекочевала из «Истории нашей империи» в «Чехословацкую историю» без серьезных поправок, практически не подверг пересмотру автор ни структуру этих изданий, ни периодизацию истории Чехии, ни оценку большинства исторических событий. Пекарж не изменил свою концепцию чешской истории – изменился контекст, в который она помещалась.

В издании 1914 г. история Чехии рассматривалась в контексте истории всей Австро-Венгрии и народов, ее населяющих. В 1921 г. упор делался на историю Словакии (хотя и неизбежно вписанную в реалии пребывания в составе Венгрии), рассматривалась также и история карпатских русин.

Больше всего были отредактированы параграфы, посвященные истории Центральной Европы до X в. и периода 1914–1921 гг. В новом

издании Пекарж меньше места уделяет истории германских племен, больше рассматривая общие закономерности исторического развития предков чехов и словаков до прихода мадьяр в бассейн Карпат. Освещая современный период, Пекарж смелее критикует развитие Австро-Венгрии после 1867 г., посвятив отдельный параграф истории возникновения независимой Чехословакии, хотя в целом Пекарж не был склонен к резкой критике австро-венгерских порядков. Трактовка же основных событий истории Чехии феодального и абсолютистского периода (в том числе и таких, как гуситское движение и Контрреформация в Чехии) практически не изменилась.

Наиболее ярко изменения как в толковании Пекаржем истории Чехии, так и в «духе эпохи», отразились в послесловиях к учебникам. В издании 1914 г. Пекарж выражает надежду на будущее уравнивание в правах всех народов Австро-Венгрии. В 1921 г. он призывает к ответственности за «чешскую независимость», называя ее «неожиданным и великим даром», который преподнесла история нынешнему поколению чехов и словаков.

ГЛАДЫШЕВА А.С.

Институт славяноведения РАН

ПОЗИЦИЯ РУМЫНИИ ПО ВОПРОСУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (1955–1968 гг.)

Идея установления международного контроля над атомной энергией возникла как реакция мирового сообщества на боевое применение оружия массового поражения данного типа в ходе американских бомбардировок городов Хиросима и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г. 24 января 1946 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция о создании специальной Комиссии ООН для «контроля над атомной энергией» и «изъятия из национальных вооружений атомного оружия». Однако лишь в конце 1950-х гг. были приняты первые конкретные меры по нераспространению ядерного оружия. К этому моменту его обладателями являлись уже США (с 1945 г.), СССР (с 1949 г.), Великобритания (с 1952 г.). Активно разработки велись во Франции и КНР, которые присоединились к этой тройке в 1960 и 1964 гг. соответственно. Лишь в 1968 г. мировым сообществом было достигнуто соглашение о подписании договора, формально запретившего дальнейшее распространение ядерного оружия.

На протяжении 1955–1968 гг. позиция Румынии по вопросам нераспространения ядерного оружия неоднократно менялась. Цель данного доклада – изучить, какие требования к проекту Договора о нераспространении ядерного оружия выдвигала Румыния, чтобы получить равные гарантии безопасности для всех государств. Нижняя граница исследования 1955 г. – год создания Организации Варшавского договора и окончательное оформление принципов единой оборонной политики европейских социалистических стран. Верхняя граница исследования – подписание Договора о нераспространении ядерного оружия в 1968 г., вступившего в законную силу 5 марта 1970 г.

Дистанцирование Румынии от позиции стран Варшавского договора по рассматриваемому вопросу было обусловлено формированием ее нового внешнеполитического курса в конце 1950-х – начале 1960-х гг. и стремлением максимально реализовать свои права как неядерного государства. Рассмотрение роли Румынии в политике разоружения является обоснованным в силу того, что она не только предпринимала частные инициативы в этом направлении, но и являлась членом двух комитетов по разоружению: Комитета 10-ти (1959–1960) и Комитета 18-ти (1962–1968).

В основу доклада положены новые материалы из документальной коллекции Российского государственного архива новейшей истории.

ГУСЕВ Н.С.

Институт славяноведения РАН

РЕАКЦИЯ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН НА ПЕРВУЮ БАЛКАНСКУЮ ВОЙНУ

Осенью 1912 г. началась Первая Балканская война – Болгария, Сербия, Греция и Черногория сообща выступили против Турции. В России это было встречено с воодушевлением, в т.ч. и потому, что в конфликте виделось противостояние христианства и ислама. В то же время лидеры столичного общественного мнения забывали о том, сколь немалую часть населения империи составляли народы, исповедующие ислам. В связи с этим депутат Государственной Думы М.-Ю. Джафаров призывал с трибуны не сеять рознь между разноконфессиональными гражданами страны: «*Всякий здравомыслящий человек должен говорить, что борьба идет с турецким государством, турками, а не исламом*».

Отношение мусульман к войне было, естественно, иным, нежели, например, у авторов «Нового времени» или «Речи». Однако присутствовали и схожие мотивы, приводящие к противоположным оцен-

кам. Так, в печати часто указывалось на то, что «балканцы» завершают дело России на Балканах – освобождение христиан полуострова. В глазах мусульман империя также стояла за спиной союзников, а следовательно вновь являлась истинной виновницей бед Турции: «Это, говорят, наши все не дают Турции покоя», – докладывали сотрудники «охранки».

В Российской империи возникло два параллельных общества, два параллельных отношения к войне. В Петербурге писали о зверствах над мирным населением одного вероисповедания, в Казани – другого, в Москве пьяницы жертвовали славянам деньги, которые, как они указывали в записках, предназначались на водку, в Тифлисе муллы призывали не резать баранов на праздник Курбан-Байрам, а направлять эти средства на помощь армии султана.

Известное количество добровольцев отправилось в болгарскую и сербскую армии. С национальных окраин желающие воевать ехали под знамена пророка. Среди них присутствовал и известный татарский политический деятель, публицист Ю. Акчура, в армии султана получивший чин юзбаши (сотника). «Охранка» сообщала о сотне добровольцев на стороне турок, но разведка в Константинополе докладывала о прибытии более крупных партий воинов. Во главе одной из них приехал помощник знаменитого лидера абреческого движения Зелимхана Харачоевского. Кавказские охотники сражаться переходили границу России южнее Батума, откуда добирались до Трапезунда. Но в то же время русский корреспондент встретил дагестанцев, которые «оживленно беседовали на лезгинском наречии», ехавших предлагать свои услуги болгарской армии, однако не безвозмездно.

В итоге, как мы видим, накануне Первой мировой войны национальный вопрос в Российской империи стоял остро не только в связи с поляками, но и мусульманами. При этом стоит подчеркнуть, что официально Петербург заявлял о нейтралитете в конфликте 1912–1913 гг., поэтому жители страны имели полное право проявлять свои симпатии к любой из воюющих сторон. Когда началась мировая война, мусульмане отправились на защиту России, которую также считали своей.

ДОБЫЧИНА А.С.

Институт славяноведения РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ПЕРВОМ БОЛГАРСКОМ ЦАРСТВЕ В БОЛГАРСКОЙ КНИЖНОСТИ XV–XVI ВВ.

Изучение исторической памяти о Первом Болгарском царстве в болгарской книжности XV–XVI вв. является непростой задачей для ис-

следователя. После вхождения болгарских земель в состав Османской империи представители Тырновской книжной школы находят убежище в западных, юго-западных болгарских землях, где тесно взаимодействуют с сербской литературно-книжной традицией. В результате, дошедшие до нас рукописи и списки XV–XVI вв. довольно сложно атрибутировать как однозначно «болгарские» или «сербские», поскольку они носят общеславянский православный характер, а их авторы зачастую используют сербскую ресавскую орфографию. В условиях османского господства болгарские книжники активно обращаются к некоторым наиболее значимым аспектам своего исторического прошлого. В докладе предполагается выявить, какие компоненты исторической памяти о временах Первого Болгарского царства были актуальны для болгарских книжников XV–XVI вв.

Первая группа памятников, зафиксировавших историческую память болгар о Первом Болгарском царстве, связана с развитием кирилло-мефодиевской традиции, что выразилось в появлении самых ранних списков с таких сочинений, как Пространное житие Константина-Кирилла (XV в.), Успение Кириллово (XV в.), Солунская легенда (конец XV – начало XVI вв.), а также творчестве Константина Костенечского (XV в.). Общая особенность этой группы памятников состоит в том, что именно в них идет последовательное закрепление идеи тесной (вплоть до родственной) связи Константина-Кирилла с болгарскими землями и болгарским языком.

Вторая группа памятников связана с обращением к исторической памяти о первых болгарских правителях, созданию и развитию Первого Болгарского царства. К этим памятникам относятся, прежде всего, Дриновский список Синодика царя Борила (XVI в.) и Болгарская апокрифическая летопись, дошедшая в Кичевском сборнике конца XVI в. К той же группе памятников можно отнести т.н. «Книгу для путешественников», изданную в Венеции болгаринем Яковом Крайковым (XVI в.), в которой также содержится упоминание о царе Петре I. Отдельную категорию составляют афонские рукописи с упоминанием «благочестивых и приснопамятных царей» Первого Болгарского царства (например, список Жития Зографских мучеников XVI в.).

Наконец, третья группа источников возникла на почве актуализации памяти о св. Иоанне Рильском в связи перенесением его мощей из Тырново в Рильский монастырь в 1469 г. и включает в себя новые Жития подвижника и другие богослужебные тексты в его честь.

Представленные выше источники позволяют сделать вывод о том, что для болгарских книжников XV–XVI вв. первоочередное значение имеет конфессиональный компонент как некий «этносохраняющий» фактор. Этот же конфессиональный компонент связан с особенно

характерным для этого периода осознанием общеславянского единства в условиях османского господства.

Донцова А.С.
*Санкт-Петербургский
государственный университет*

**В.Д. СПАСОВИЧ: ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ПЛАНЫ И ДОСТИЖЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ "ВОСЬМИ КНИГ ПОЛЬСКОГО БЕСКОРОЛЕВЬЯ"
СВЕНТОСЛАВА ОЖЕЛЬСКОГО)**

В пореформенную эпоху имя «короля русской адвокатуры», известного юриста, профессора Петербургского университета, общественного деятеля, публициста, издателя, историка и литературоведа Владимира Даниловича Спасовича (1829–1906) было на слуху у читающей публики, а сфера интересов его настолько широка, что позволила коллеге Спасовича по юридическому цеху А.Ф. Кони именовать своего соратника «Протеем-Спасовичем». Неизменным на протяжении всей жизни Спасовича, приверженца теории «органического труда» («grasa organiczna») и одного из столпов движения «угодовцев», остается его интерес к истории Польши и развитию русско-польских отношений, однако издательская деятельность и полонистические штудии Спасовича в отечественной историографии незаслуженно забыты и крайне редко привлекают внимание исследователей.

Предметом рассмотрения в докладе станет занимающий особое место в творческом наследии Спасовича проделанный им титанический труд по переводу с латинского на польский язык и подготовке к изданию существовавшего тогда лишь в рукописях, памятника польской исторической мысли XVI в. – фундаментального сочинения очевидца и непосредственного участника описываемых событий Свентослава Ожельского «*Interregni Poloniae libri VIII*». Издание, увидевшее свет в 1856–1858 гг., было озаглавлено «Восемь книг бескоролья, или История Польши с кончины Сигизмунда Августа, 1572–1576 года» и дополнено отобранными Спасовичем письмами и речами автора, а кроме того, биографией самого С. Ожельского. Таким образом, в широкий научный оборот был введен ценнейший источник по истории «золотого века» Речи Посполитой.

Выход в свет «Восьми книг бескоролья» явился первым предвестником, а вероятно, и одной из причин волны интереса к этим сюжетам в пореформенной историографии, как польской, так и русской

(монографии А.С. Трачевского (1869), Т. Пилинского (1872), Ф.М. Уманца (1872)).

Важно подчеркнуть, что сам Спасович-«уголовец» рассматривал предприятия по изданию исторических источников в целом и публикацию «Восьми книг бескорольевъ» в частности как деятельное проявление своих взглядов, видел их составляющей частью созидательного труда, направленного на просвещение и демократизацию польского общества, на возрождение исконных польских земель, на преодоление мировоззренческой пропасти, за прошедшее столетие разделившей, казалось бы, навсегда, польский и русский народы.

Дронов А.М.

Институт славяноведения РАН

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ ГРАНИЦЫ МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ГРАНИЦ И ПОГРАНИЧИЙ В ЕВРОПЕ

Целью моего доклада является ответ на вопрос, можно ли историю Военной границы рассматривать в контексте междисциплинарно направленного исследования границ и пограничий.

Изучение феномена *границы* в качестве нового направления в истории возникло ещё в конце XIX в. В 1890-е гг. американский историк Ф. Тёрнер впервые выделил *фронтир* как объект исторического анализа, однако главным недостатком его концепции был американоцентризм. В 1937 г. концепцию Ф. Тёрнера развил американский географ С. Джонс, который ввёл в науку понятие «*пограничье*». Этот термин обозначал саму административную границу между государствами и прилегающие к ней территории. В дальнейшем в американской и западноевропейской историографии исследование границ и пограничий превратилось в самостоятельное междисциплинарное направление, тогда как в Центральной и Восточной Европе такое направление стало складываться лишь в относительно недавнее время.

Изучение истории Военной границы монархии Габсбургов в контексте исследования границ и пограничий началось лишь недавно. Так, в Хорватии в начале 2000-х гг. крупный историк Д. Роксандич основал проект «*Triplex Confinium*», посвящённый пограничью трёх исторических государств: Габсбургской монархии, Венецианской республики и Османской империи. Этот проект стал первым комплексным подходом к изучению военного пограничья. В России последователи концепции Ф. Тёрнера появились лишь после отхода от марксистско-ленинской методологии, т.е. в 1990-е гг. Наиболее известной из них является географ Н.Ю. Замятина, которая в 1998 г. дополнила и

уточнила концепцию Ф. Тёрнера, а также предложила новое определение *фронтيرا* как зоны особых социальных условий, а не просто границы между государствами. В последнее время концепцию фронта Ф. Тёрнера развивают как историки (В.А. Колосов, Д.В. Сень, Д.С. Жуков, В.В. Канищев, С.К. Лямин, Л.В. Баева и др.), так и культурологи и философы. В последние годы (2014 г.) российский историк казачества А.Ю. Перетягко предложил рассматривать историю южного пограничья не отдельных стран, а целую дугу военных пограничий между христианскими европейскими странами и исламским миром, которая проходила от Адриатики до Южного Урала и тянулась дальше в Сибирь.

ЕЛСАКОВ А.С.

*Санкт-Петербургский
государственный университет*

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕ РАЗДЕЛЕННОГО ГОСУДАРСТВА (СЛУЧАЙ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ)

Несмотря на то, что прошло уже более двадцати лет после заключения Дейтонских соглашений, которые имеют кардинальное значение в качестве правовой основы существования государства Босния и Герцеговина и определяют основные аспекты функционирования политической системы государства, среди общественно-политических сил в стране нет единства в оценках современного функционирования государственной системы и самой необходимости изменения основ, заложенных соглашениями 1995 г. Поскольку партийная система любой страны является, помимо прочих своих свойств и функций, отображением актуальности вопросов, стоящих в повестке дня для основных политических сил государства, она может восприниматься в качестве надежного индикатора состояния и тенденций эволюции доминирующего в обществе дискурса относительно основных вопросов государственного развития.

Хронологически в докладе анализируется временной период, равный трем последним избирательным циклам (2006–2014 гг.), и делают следующие выводы.

На электоральном (избирательном) уровне партийной системы Боснии и Герцеговины очевидно существование ярко выраженных «национальных» («этнонациональных») блоков, каждый из которых имеет свои, незначительно меняющиеся во времени, атрибуты, такие как относительно стабильный корпус избирателей, принципы построения и

проведения избирательных кампаний, территориально стабильное распределение результатов всеобщих выборов и др.

На правительственном уровне до недавнего времени также было уместно говорить о существовании нескольких, ярко выраженных отдельных составляющих партийной системы страны, что выражается в непростом характере формирования, а затем и осуществления исполнительной власти на федеральном уровне и крайне остром противостоянии по ряду ключевых вопросов функционирования государства, касающихся непосредственно двух его составных частей (Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербская).

Данное состояние партийной системы (равно как и всей политической системы) во многом обусловлено конституционным «дизайном» Боснии и Герцеговины, являющим собой ряд специфических черт, таких, как механизмы функционирования основных органов государственной власти, способ их формирования, в целом отражающие специфический характер государственного устройства. В то же время несомненно и воздействие внешних факторов на конфигурацию партийной системы Боснии и Герцеговины, в первую очередь, участия государства в евроинтеграционных процессах, что предопределяет постепенную эволюцию данной системы в направлении гомогенности.

Однако в целом наблюдается определенное постоянство, демонстрирующее характерную модель функционирования партийной системы Боснии и Герцеговины, отличающуюся отсутствием внутреннего единства, и мы можем говорить о существовании двух (или трех) партийных систем (или отдельных подсистем одной системы) со своими характерными особенностями.

Все вышперечисленное позволяет говорить о глубоко разделенном и гетерогенном социально-политическом пространстве Боснии и Герцеговины, выражающемся как в общественном дискурсе, так и в конкретных действиях органов государственной власти.

КАСАТКИН К.А.

*Санкт-Петербургский
государственный университет*

СПОСОБЫ ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ОБЛАСТЕЙ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ РУССКИМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

После выхода книги Э. Саида «Ориентализм» (1978) конструирование и применение оппозиции «я – Другой» или «свое – чужое» стало

одной из центральных проблем исторической науки. В нашем докладе мы стремились показать, как происходил поиск формы описания балканских земель российскими офицерами в первой трети XIX в., по долгу службы посетившими западные земли Османской империи.

В нашем докладе анализируются «Дневные записки поездки в Константинополь» А.Г. Краснокутского, в которых он описал свое путешествие 1808 г. из Бухареста в Константинополь, также мы обратились к работам В.Б. Броневского «Записки морского офицера», «Письма морского офицера» и «Путешествие от Триеста до С-Петербурга». Если для первого Балканы превращаются в сказочную страну, населенную необычными народами, то второй уже чувствует себя первопроходцем, открывающим и описывающим новые земли. Однако Броневский открывал не только «новые земли», но и прошлое своего собственного народа: для него южные славяне являлись наглядным примером того, как жили когда-то русские. Так, он пишет: «Я видел Спарту, видел в полном смысле слова республику... я так сказать перенесен был в новый мир и познакомился с предками моими 9-го и 10-го столетия, видел пред собою простоту Патриаршеских времен, беседовал с Ильей Муромцем, Добрыней и другими богатырями нашей древности».

Только у Е.И. Энегольма (который опубликовал свои «Записки о городах забалканских» в 1830 г.) мы впервые встречаем четкую дифференциацию и характеристику народов. У него представлены краткие описания, в которых они наделяются не только набором характеристик, но и своей историей, т.е. автор определяет место турок, греков, болгар и других не только в пространстве, но и во времени.

На фоне других путешественников крайне своеобразно выглядит фигура И.П. Липранди, который выступал против субъективизма, присутствующего прочим путешественникам. После себя он оставил энциклопедический словарь «Оттоманская империя», превзошедший, как он сам характеризовал свой труд, все имеющиеся тогда работы по Османской империи. Действительно, сочинение Липранди, согласно самому автору, содержало 8000 записей и более 600 иллюстраций. Фактически Липранди разделил историю, культуру, географию, статистику Османской империи, ее народы на дискретные «самодостаточные» единицы, которые были удобны для изучения как в отдельности, так и комплексно. Однако этот монументальный труд так и не был опубликован.

Таким образом, балканские народы могли изображаться как жестокие варвары, суверенные невежды, благородные дикари, «славянские спартанцы», а поездка по Балканам описывалась и как сказочное путешествие, и как романтическое приключение, и как научная экспедиция. Можно сказать, в первой половине XIX в. русское общество переходит от восприятия Балкан как экзотического «чужого» пространства к

«объективному» взгляду этнографа. Высшим достижением этого подхода является энциклопедический словарь «Оттоманская империя» Липранди.

КОРЕНЕВ Е.С.

Институт истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

**ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ
ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ
В 1990 – 2000-Е ГГ.**

После крушения коммунистических режимов на Балканах, а также образования на обломках СФРЮ новых республик, начиная с 1990-х гг. одним из важнейших вопросов, как для политической элиты, так и для простых граждан балканских государств, стало определение собственного отношения к НАТО. В тот момент Альянс не только активно вмешался в процесс урегулирования конфликтов в регионе, но и начал реализацию политики «открытых дверей», предполагавшую вовлечение стран Балканского полуострова в тесный диалог. Тот факт, что процесс евроатлантической интеграции окончательно не завершён в Юго-Восточной Европе до сих пор, придает исследованию, связанному с оценкой отношения к этому явлению власти и общества в государствах региона, повышенную актуальность, поскольку оно может помочь спрогнозировать не только расстановку сил в их внутренней политике, но и конфигурацию системы региональной безопасности.

На протяжении 1990-х гг. лишь в Союзной Республике Югославии сохранялось отрицательное отношение к евроатлантической интеграции, как со стороны политической элиты, так и у простых граждан. Ситуация здесь стала меняться сразу после так называемой «бульдозерной революции», в результате которой к власти пришла демократическая оппозиция, ориентированная на углубление сотрудничества с Западом. После того как в 2006 г. проект под названием «Югославия» был окончательно завершён, политическая элита Сербии и Черногории начала более активное движение по пути евроатлантической интеграции, не реагируя при этом на мнение подавляющей части населения.

В других странах расхождение в позициях политиков и простых граждан по вопросу о вступлении в НАТО также существовало, но в силу ряда причин не было столь существенным как в случае с Сербией и Черногорией в 2000-е гг. Тем не менее, оппозиционные политиче-

ские партии даже в тех балканских государствах, которые вступили в Альянс, пытаются использовать негативное отношение граждан к организации для борьбы с прозападной политической элитой. Это особенно хорошо видно на примере Болгарии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что евроатлантическая интеграция стала одной из главных разделительных линий в отношениях власти и общества балканских государств в 1990–2000-е гг. Практически нигде, за исключением лишь Албании, Словении и в меньшей степени Хорватии, по данному вопросу не существовало общенационального консенсуса.

В результате, принятые руководством Болгарии и Румынии решения о присоединении к НАТО, а также желание политической элиты Боснии и Герцеговины, Македонии, Сербии и Черногории ускорить продвижение своих стран по пути евроатлантической интеграции носят, по сути, антинародный и антиконституционный характер, поскольку народ, являющийся носителем суверенитета по Конституции, на практике не может определять свое будущее самостоятельно. Можно предположить, что подобный идеологический раскол власти и общества может оказаться губительным для стабильности в балканских государствах, т.к. в случае осложнения обстановки в регионе и активизации протестного движения несовпадение позиций правительства и граждан по данному вопросу будет использовано как один из основных аргументов для начала серьезного противостояния между сторонами.

КУЗЬМИЧЕВА А.Е.

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

ПОЧЕМУ ПОЛЬША БЫЛА ПРОТИВ ВОСТОЧНОГО ПАКТА?

Проект Восточного пакта стал последней попыткой Франции обезопасить Европу от угрозы со стороны немецкого ревизионизма, открыто заявившего о себе после прихода Гитлера к власти. Главная цель пакта заключалась в предоставлении Парижем странам Восточной Европы гарантий нерушимости их территориального status quo, подкрепленных соответствующими обязательствами все более влиятельного Советского Союза. Проект пакта исходил из достаточно простой идеи, не противоречившей статуту Лиги наций: если Франции понадобится помощь СССР, то Красная армия незамедлительно войдет в Восточную Европу.

В то время как Франция сделала ставку на модификацию своей системы союзов путем привлечения к ней СССР, Польша выбрала для себя политику равноудаленности от Германии и Советской России. Неуверенность в том, что Париж придёт вовремя на помощь, если возникнет конфликт с СССР, подтолкнула Варшаву к пересмотру прежней генеральной линии своей внешней политики – ориентации на Париж. Вместо этого она вступила на путь, который во второй половине XX в. получит название неприсоединения – к январю 1934 г. она подписала договоры о ненападении не только с СССР, но и с Германией. Тем самым она выводила себя за рамки складывавшейся в тот момент в Европе новой конфигурации сил, когда страны-реваншисты, обиженные и обделенные в Париже в 1919 г., обрели в лице нацистской Германии таран, способный сокрушить Версальскую систему безопасности. Польское правительство, вместо того, чтобы создавать единый фронт государств, жизненно заинтересованных в совместном противостоянии ревизионистам, сделало ставку на двусторонние договоры с соседями, считая, что только таким образом оно сможет стабилизировать ситуацию в своём регионе.

Свое неприятие французского проекта Варшава объясняла двумя причинами. Во-первых, в случае присоединения к проекту Польша оказалась бы в советской зоне ответственности, во-вторых, неизбежно ухудшились бы недавно установленные добрососедские отношения с Германией. В совокупности, считала она, это означало бы конец политики «равноудаленности» и балансирования между Москвой и Берлином.

Если же говорить о Париже, то пакт, с военной точки зрения, был ему жизненно необходим. Он укрепил бы Францию без каких-либо дополнительных бюджетных расходов, переложив немалую часть бремени по сдерживанию Германии на СССР. Однако убийство 9 октября 1934 г. французского министра иностранных дел Л. Барту осложнило реализацию проекта пакта. Уникальность внешнеполитической позиции Барту заключается в том, что он единственный из действующих французских политиков того времени считал необходимым проводить в отношении Германии политику сдерживания, а не умиротворения. И Восточный пакт, по его мнению, с этой задачей мог справиться. Преемник Барту, Пьер Лаваль, не являлся апологетом франко-советского сотрудничества. Более того, по словам Ю. Бека, «Лаваль, из всех знакомых [мне] министров иностранных дел, относился к Германии наиболее благоприятно».

В литературе часто отмечается, что переговоры о заключении Восточного пакта, в которых наряду со странами-учредителями (СССР и Франция) также участвовали Польша, Германия, Чехословакия, Италия и Великобритания потерпели фиаско в связи с неуступчивостью

польской стороны. Однако стоит отметить, что, несмотря на достаточно негативное отношение польского правительства к пакту, вину за неудачу переговоров стоит возложить и на новое направление французской внешней политики, которое ей задал Пьер Лаваль, пришедший на смену Луи Барту в кабинете на набережной Орсе.

ЛАПУНОВ А.А.

*Санкт-Петербургский
Государственный Университет*

ПАТРИАРХ ФОТИЙ И ПРОБЛЕМА ЦЕРКОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ НАД БОЛГАРИЕЙ

Принятие христианства в Болгарии произошло в правление святого князя Бориса. Крещение Болгарии состоялось в 865 г. Это событие усложнило и без того напряженные отношения между Римом и Константинополем. Борис, в свою очередь, стремился добиться независимости Болгарской церкви и от византийской, и от папской администраций. Он хотел иметь собственного патриарха. В 865 г. ходатайство об этом было отклонено византийцами.

В результате, Борис ушел из-под византийской юрисдикции и признал над собой власть Рима, рассчитывая решить две главные проблемы, вставшие перед его страной после принятия ею христианства: первая состояла в упрочении единства народа и его военной мощи, а вторая – в сохранении политической и культурной независимости страны от Византии.

Следующей весной патриарх Фотий направил главам остальных восточных церквей «Оружное послание», в основном посвященное последним событиям в Болгарии. Рассказав об обращении страны к христианству, Фотий поведал об их почти немедленном отступничестве. При этом, основная критика была направлена на латинских миссионеров. Патриарх Фотий перечислил постыдные обычаи и лжеучения, называемые «злокозненными» латинянами «несчастливым» болгарам.

Именно так конфликт между Римом и Константинополем достиг своей высшей точки. Выступив против Рима, патриарх Фотий стал защитником не только независимости Византийской церкви, но и наиболее «жизненных» интересов Империи. Имперское правительство полностью поддерживало патриарха.

Летом 867 г. в Константинополе был созван Собор, на котором преданы анафеме «новшества» Западной Церкви, а папа Николай объявлен низложенным.

Византийский император Василий I Македонянин, пришедший к

власти в 867 г., сместил с патриаршего престола Фотия. Князь Борис повел переговоры с восстановленным патриархом Игнатием. В результате, Болгария оказалась в церковной юрисдикции Константинополя как бывшее владение Византийской империи.

Папа Иоанн VIII (872–882) дипломатическими мерами пытался вернуть под власть Рима болгарский диоцез. В итоге, было принято решение, имевшее важное значение для истории Болгарской церкви: с этого момента Болгарская архиепископия не должна была фигурировать в списках епархий Константинопольского патриархата. По существу, решения этого Поместного Собора были выгодны и Константинополю, и Болгарии, архиепископ которой фактически получал права автономии по отношению к Константинопольской церкви.

Несмотря на наметившийся раскол между Западной и Восточной церквями из-за спора о церковной юрисдикции Болгарии, единство между Востоком и Западом было достигнуто на Великом Свято-Софийском Соборе на православных началах: Собор отменил определения Константинопольского Собора (869–870) («Малого Софийского»), осудил добавление «филиокве» к Символу веры и реабилитировал Фотия.

ЛЕОНТЬЕВА А.А.

Институт славяноведения РАН

НОРМЫ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В КАДИЙСКИХ СУДАХ СОФИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Инстанцией, решавшей любые правовые конфликты, в Османской империи являлся шариатский суд под руководством кадия – судьи. Полномочия кадиев в Османской империи по сравнению с другими мусульманскими странами во многом выходили за рамки классической компетенции этого института. Правовая система Османской империи опиралась как на исламское, так и на обычное право, основывающееся на писаном законе и воле властей. Существование религиозного и обычного права в Османской империи объясняется тем, что в завоеванных византийских, сербских и болгарских землях юридические традиции полностью отличались от мусульманских, и османами были переняты некоторые элементы существовавших правовых систем. Формирование обычного права происходило на протяжении нескольких столетий, путем государственных законов и султанских ферманов, расширяя и дополняя правовые нормы в сферах, которые были недостаточно оговорены в исламском праве.

Раздел наследства умерших осуществлялся как в соответствии с нормами шариата, так и с обращением в непрописанных шариатом ситуациях к нормам обычного права и был одной из важных обязанностей кадия. Документы распределения наследств кадийских судов представляют собой ценный источник для исследования различных аспектов этнокультурной интеграции славянского населения в болгарских землях. При подготовке доклада были использованы наследственные протоколы Софии за 1731–1833 гг. Выборка, включающая 100 документов, представляется достаточно репрезентативной для анализа применения норм шариата при распределении наследства и участия немусульманского населения в рассмотрении дел в соответствии с мусульманским правом.

Сведения протоколов кадийского суда Софии позволяют проанализировать применение норм наследственного права на практике и проследить степень вовлеченности местного христианского населения в исламское правовое поле, а также ответить на вопрос – что заставляло христиан, имеющих возможность рассматривать дела о наследовании внутри своей общины, обращаться за решением этого, казалось бы, внутрисемейного вопроса, в кадийский суд.

Вероятнее всего причиной столь высокой степени интеграции городского немусульманского населения в османскую правовую систему были четко прописанные нормы закона и уверенность в том, что доли будут распределены в соответствии с этими нормами. Нормы исламского права в значительной степени гарантировали защищенность вдов и оставшихся сиротами детей. Кроме того, в некоторых случаях христиане могли извлечь для себя определенную выгоду. Например, отношение к не рожденному еще ребенку как к полноправному наследнику и выделение ему априори доли, предназначенной сыну, не свойственные христианской традиции, давали возможность его матери в качестве наставницы своего ребенка, получить дополнительную долю наследства. Представляется также, что ведущую роль могло играть восприятие кадийских судов как официального органа государственной администрации, что объясняло высокую степень доверия к документам, заверяющим результаты распределения наследства.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЧЕХИ И МИССИЯ ЙОЗЕФА ДЮРИХА В РОССИЮ

Изучение истории чешско-словацкого национально-освободительного движения и формирования чешско-словацких воинских частей в России началось сразу же после окончания Первой мировой войны и достаточно активно развивалось в течение XX в. Одной из наиболее затрагиваемых тем как в чешской, словацкой, так и в отечественной исторической науке стали миссии в Российскую империю двух выдающихся деятелей чешско-словацкого национально-освободительного движения за границей – Йозефа Дюриха и Милана Рагислава Штефаника. В работах, посвященных данной тематике, зачастую остаются в тени моменты, связанные с контактами этих двух политиков с французскими правительственными кругами, а также с ведущими деятелями чешской колонии в Париже. В частности, для большинства историков остаются до сих пор загадочными два сопровождававших Дюриха деятеля – лейтенант Иван Штафл и банкир Штерн. Так, примечательным является тот факт, что как во французских, так и в российских дипломатических и военных кругах они подозревались в шпионаже.

Другой интересной темой является отношение ведущих представителей руководства чешской колонии в Париже к миссии Йозефа Дюриха в Россию. Важным источником, проливающим свет на этот вопрос, оказываются письма одного из ведущих деятелей парижской колонии, Франтишека Явурека, направленные на имя председателя Чешско-Словацкого Национального Совета Т.Г. Масарика, а также письмо Явурека Дюриху от 8 ноября 1916 г. В них содержатся обвинения в адрес Дюриха и его коллег. В своих письмах Явурек осуждает чешского депутата и его помощников, говоря о том, что они «мошенническим способом» получили разрешение отправиться в Россию, а также в корыстолюбии, неблагодарности и предательстве чешского дела. Сравнение данных материалов с документами, касающимися пребывания Йозефа Дюриха, Ивана Штафла и Штерна в Российской империи, предоставляют возможность сопоставить впечатления, которые произвели данные деятели на правительственные и деловые круги Франции и России.

НЕЧАЕВА Н.И.

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

**ГЛИНКОВА СЛОВАЦКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ (ГСНП)
МЕЖВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1918–1939) В ОСВЕЩЕНИИ
СОВРЕМЕННЫХ ЧЕШСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИЙ**

Цель доклада – проследить, как в чешской и словацкой историографиях отражена эволюция Глинковой словацкой народной партии (ГСНП) с момента выхода из состава венгерского государства до присоединения Словакии к коалиции Адольфа Гитлера в качестве «независимой» Словацкой республики, на деле марионеточного государства, подконтрольного берлинскому диктату. Во время Второй мировой войны Андрей Глинка был провозглашен национальным героем Словакии, с 1994 г. в Словацкой Республике стали выдавать орден его имени в качестве государственной награды.

В докладе ставится вопрос о том, имеется ли моральное право считать Глинку словацким национальным героем, мог ли он предвидеть последствия деятельности партии, названной его именем, для Чехословацкого государства и Словакии в частности.

Таким образом, начиная с провозглашения независимости Первой Чехословацкой республики целесообразно рассмотреть внутри- и внешнеполитическую деятельность ГСНП и ее лидеров, проследить эволюцию от автономизма начала 1920-х гг. (идейной платформы «глинковцев») до откровенно профашистских взглядов конца 1930-х гг., дать оценку неудавшемуся союзу словаков с чехами и поставить вопрос об альтернативности решения проблемы для Словакии и о роли в этом процессе партии Глинки.

НОВОСЕЛЬЦЕВ Б.С.

Институт славяноведения РАН

**ЮГОСЛАВИЯ И ФРГ В 1960-Е ГГ. ОТ РАЗРЫВА
К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.**

Дипломатические отношения между Белградом и Бонном в конце 1950-х – 1960-е гг. были принесены в жертву политике. После того как в 1957 г. Югославия официально объявила о признании ГДР, правительство ФРГ согласно так наз. «доктрине Хальштейна» отозвало из

Белграда своего посла. Создававшаяся ситуация ограничивала возможности для сотрудничества двух стран следующие десять лет.

В 1961–1962 гг. второй советско-югославский конфликт (1958–1961) был преодолен, и началось новое сближение между Белградом и Москвой. Единство или близость их позиций по Германскому вопросу стали залогом нормализации отношений. Югославия и СССР выступали за признание факта существования двух германских государств и заключение мирного договора между западными странами и ГДР. Они выступали резко против милитаризации Западной Германии, передачи вооруженным силам ФРГ американского атомного оружия и, наконец, требовали превратить Западный Берлин в демилитаризованный вольный город.

Отношения между СФРЮ и ФРГ дополнительно осложнял ряд вопросов двустороннего характера: выплата компенсаций жертвам нацистского террора, урегулирование правового положения югославских гастарбайтеров в Западной Германии, деятельность там югославских политических эмигрантов, в том числе бывших участников организации «ушташи», которые бежали из Югославии после окончания Второй Мировой войны и устраивали провокации и диверсии против представителей СФРЮ.

Сложившаяся ситуация изменилась во второй половине 1966 г. К власти в ФРГ пришло правительство «большой коалиции» – партий ХДС/ХСС и СДПГ. Важнейшей составляющей внешнеполитического курса ее лидеров – канцлера К. Кизингера и министра иностранных дел В. Брандта стала «новая восточная политика», представлявшая собой попытку наладить отношения с социалистическими странами. Особые надежды они возлагали на Румынию и Югославию, ставивших во главу угла свои национальные интересы и выступавших за суверенитет и взаимовыгодное сотрудничество всех государств, вне зависимости от их общественно-политического устройства, против блоковых подходов к вопросу о европейской безопасности и навязывания сверхдержавами своих позиций малым и средним странам.

В условиях кризиса в Движении неприсоединения середины 1960-х гг., Югославии требовалась какая-то новая «третья точка опоры», которая позволила бы проводить ей политику равноудаленности от сверхдержав и сопротивляться их давлению. Ослабление блокового противостояния в Европе диктовало дипломатическое «возвращение» СФРЮ к европейской политике. Налаживание отношений с ФРГ укладывалось в эту тенденцию.

31 января 1968 г. в ходе переговоров в Париже стороны достигли договоренностей и вновь открыли в Бонне и Белграде свои дипломатические представительства. Теперь не оставалось сомнений в том, что «доктрина Хальштейна» фактически прекратила свое существование.

**«КТО В МОЛОДОСТИ НЕ БЫЛ ЛИБЕРАЛОМ»: К ПОЛИТИЧЕСКОЙ
БИОГРАФИИ ДЖОРДЖЕ СТРАТИМИРОВИЧА**

По мнению современника, политика и писателя Я. Игнатовича, генерал Дж. Стратимирович был рожден для того, чтобы возглавить сербское национальное движение во владениях дома Габсбургов. Югославская, а в след за ней и советская историография оценивали военно-политическую деятельность Стратимировича позитивно, так как он, будучи лидером немногочисленного либерального течения, в разгар революции 1848–1849 гг. бросил вызов не только лояльным Вене кругам сербского общества, но и вступил в открытый конфликт с вождями венгерского национального движения, который, по словам Л. Кошута, «мог разрешить только меч».

Однако специалистам Стратимирович известен не только своими подвигами в годы революции 1848–1849 гг. Более того, современные исследователи проявляют особый интерес к его жизни и деятельности после Благовещенского собора 1861 г., когда генерал стал ключевой фигурой в лагере сторонников так называемого «среднего пути», не поддерживавших ни мадяронов во главе с С. Милетичем, ни австрофилов, сплотившихся вокруг стареющего патриарха Иосифа (Раячича).

Практически не исследованы крутой поворот в биографии Стратимировича, связанный с разработкой в 1866–1867 гг. австро-венгерского Соглашения о переустройстве монархии, и последующий период его жизни. В связи с этим важно отметить, что репутация офицера австрийской армии, верного присяге, сыграла особую роль в развитии его политической карьеры. Консервативные круги сербского общества, заинтересованные в покровительстве венского двора, в личном послании к императору Францу Иосифу предложили кандидатуру Стратимировича в качестве лидера обновленного австрофильского течения. По их мнению, только фигура генерала, героя революции 1848–1849 гг., могла стать противовесом деятельному и агрессивно настроенному С. Милетичу, готовому на любые и даже необдуманные жертвы в отстаивании национальных интересов. В 1872 г., Стратимирович представил общественности свою программу, которая была раскритикована либералами за то, что в большей степени отвечала интересам классовой, а не национальной борьбы. С того момента влияние генерала на политическую жизнь сербов в Венгрии уменьшалось как шагреновая кожа. «Странно было ощущать, что демонстративному порицанию меня подвергли не только противники, но и бывшие единомышленники. Так и

закончилась моя политическая карьера в Венгрии», – подытожил в воспоминаниях генерал Стратимирович.

В докладе предпринята попытка исследовать факторы, повлиявшие на изменение взглядов Стратимировича, и выявить причины его стремительного падения с политического Олимпа. Такую возможность нам предоставляет обширная источниковая база, которая ранее не исследовалась отечественными историками.

ПИВОВАРЕНКО А.А.

Институт славяноведения РАН

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ХОРВАТИИ: РОЛЬ И МЕСТО НА БАЛКАНАХ

Изучение такого института хорватского общества, как армия, важно в двух аспектах. Первым является армия как общественный институт – в Хорватии она символизирует войну за независимость 1991–1995 гг. – «сакральное» событие современной хорватской истории. Второй касается военно-политического положения Хорватии на Балканах и роли вооруженных сил в формировании новой «инфраструктуры безопасности» региона. Чтобы глубже понять эту роль, необходимо рассмотреть эволюцию армии, произошедшую на протяжении 25 лет ее существования.

В своем развитии вооруженные силы Хорватии прошли несколько этапов. Первый этап датируется 1990–1992 гг. и связан с созданием вооруженных сил. Их организация началась летом 1990 г., фактически сразу после инаугурации нового националистического руководства. Предпосылки ее возникновения были серьезные: на территории Хорватии находилось 7% ВПК Югославской народной армии, ряд военных заводов и верфей, элементы территориальной обороны. Хорватия имела выход к внешним границам, что давало возможность делать скрытые закупки вооружений. Сама армия создавалась из разных частей, как в техническом, так и кадровом плане. Это были элементы и силовых структур ЮНА, и привнесенные элементы, такие, как Хорватская национальная гвардия.

Второй этап датируется 1992–1999 гг. и связан с пиком боевой мощи вооруженных сил Республики. На этом этапе ВС РХ значительно нарастили свой боевой потенциал. В условиях ограниченных ресурсов и территориальных потерь (25% территории страны в 1991–1995 гг. было отторгнуто) Хорватии удалось создать армию, способную решать не только оборонительные, но и наступательные задачи, причем не только в Хорватии, но и на территории соседней Боснии и Герцеговины. В этот период ВС РХ достигли пика боевой мощи и наивысшего напря-

жения сил: в ВС оказался мобилизован каждый шестой мужчина призывного возраста, военные расходы составляли 34,8% ВВП страны.

Определенно, эти успехи не могли быть достигнуты без благоприятного международного режима. Европейские страны и США приветствовали провозглашение независимой Хорватии. Поставки вооружения в 1992–1995 гг. осуществлялись в обход эмбарго ООН.

Третий этап приходится на 2000–2014 гг. и связан с НАТОизацией Хорватии и сокращением ВС. Он характеризуется как количественным сокращением Вооруженных сил, так и расходов на оборону. Тем не менее, это не вызывало беспокойства, ведь, согласно концептуальным стратегическим документам (прежде всего, Стратегия обороны и Стратегия безопасности 2002 г.), республика находилась в «благоприятном международном окружении».

На этом этапе ВС Хорватии стали активным участником военных и миротворческих операций по всему миру. Значительное число военнослужащих ВС РХ приняло участие в миссии НАТО в Афганистане (до 350 человек одновременно). В мае 2008 г. хорватские контингенты действовали в 15 из 17 миссий ООН по всему миру.

Четвертый этап приходится на 2015 г. и продолжается вплоть до настоящего времени. С приходом к власти нового правительства в 2014–2015 гг. были поставлены новые задачи в развитии вооруженных сил. Как следует из документов Министерства обороны, в ближайшие годы Загреб видит гарантии собственной безопасности в появлении более совершенных и унифицированных по западному стандарту вооруженных сил, а также в создании элементов единой оборонительной системы (в частности ПВО) на своей территории. Стратегической целью является создание таких вооруженных сил, которые будут способны выполнить свои задачи согласно статье 5 в любой точке мира. Есть основания утверждать, что ряд важных для региона объектов инфраструктуры будет размещен именно в этой стране, что позволит претендовать ей на роль регионального центра в некоторых областях.

Пилько Н.С.

Институт славяноведения РАН

СЛОВЕНСКАЯ И СЕРБСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ЮГОСЛАВСКОГО ОБЩЕСТВА В 80-х ГОДАХ XX в.

Уход из жизни Иосифа Броза Тито в 1980 г. положил начало новому периоду в истории Югославии. Провозглашенный лозунг: «И после Тито – Тито», который означал, что руководство страны будет стараться проводить политику «бессменного» вождя, не мог быть осу-

ществлен. Югославия без Тито стала другим государством. Не было больше арбитра, который смог бы сдерживать националистические настроения, удерживать всеми правдами и неправдами довольно шаткую экономическую систему, подавлять критику в адрес партии. В 1980-е в югославской общественной жизни начался процесс либерализации. Сначала это были робкие попытки поднять находившееся под запретом темы. Но постепенно критика в адрес руководства страны, партии, экономической и политической системы нарастала. Наибольшую активность во всех этих процессах проявили две югославские республики: Сербия и Словения. Одним из основных предметов обсуждения стала Конституция, принятая в 1974 г. и существенно расширившая права республик и автономных краев. Поскольку два из них входили в состав Сербии, то ее Президиум почти сразу же высказался за пересмотр основного закона, отметив, что Конституция существенно подрывает целостность Республики. Но тогда Тито сумел сдержать поднимавшееся недовольство. Остальные республики выступали против пересмотра Конституции. Подобное непонимание, а главное – невозможность решить проблему законным путем, не могло не вызвать радикализацию настроений в Сербии.

Толчком послужил запрет в 1981 г. в Сербии книги Г. Джого «Шерстяные времена», где автор подверг критике Тито. Джого арестовали. В мае 1982 г. в Объединении сербских писателей создается Комитет по защите художественного творчества. Процесс либерализации уже нельзя было остановить. Стали появляться работы с критикой режима Тито, осуждались репрессии. Остро обсуждалась тема геноцида сербского населения в годы Второй мировой войны. Впервые заговорили о четническом движении. В. Джуретич за свою книгу «Союзники и югославская военная драма», в которой четники были представлены как антифашистская сила, был исключен из СКЮ. Подобные действия подогревали оппозиционные настроения сербской общественности. Вскоре в Объединении сербских писателей был создан Комитет по защите свободы мысли и высказываний во главе с Д. Чосичем. События в Косове еще больше разжигали недовольство политикой центра. В мае 1985 г. Сербская академия наук и искусств образовала группу для подготовки Меморандума об экономической и политической ситуации в Югославии, коммунистическая партия обвинялась ни больше ни меньше как в антисербской политике и в создании антисербской коалиции в Югославии.

Что касается Словении, то творческая интеллигенция тоже не осталась в стороне. Главные идеи, с которыми выступили ее представители, сводились к требованию демократизации общества, введения многопартийной системы, строительства югославского государства на конфедеративных основах. В июне 1980 г. 60 словенских деятелей куль-

туры, большинство из которых являлись профессорами Люблянского университета, приняли решение об издании журнала «Нова ревия». Его особенностью было то, что в нем могли публиковать свои рукописи не только словенские авторы, но и авторы из других республик, чьи статьи не были приняты по каким-либо соображениям к печати. В это же время активизируется и молодежный журнал «Младина». Кроме того, в Республике начинают проводить исследования на тему чистоты словенского языка, о демографических проблемах словенского народа. Впервые поднимается вопрос о примирении враждебных в годы Второй мировой войны домобранцев и партизан. Социолог С. Хрибар в сборнике, посвященном памяти Э. Коцбека, выступила за установку памятника всем павшим во время войны словенцам, независимо от того, на чьей стороне они воевали и за примирение со словенцами, оказавшимися в эмиграции. В январе 1985 г. Общество словенских писателей собралось в Цанкарьевом доме в Любляне для обсуждения вопросов словенской культуры и насущных проблем словенского народа. Решимость отстаивать его интересы Общество словенских писателей продемонстрировало и на конгрессе Союза литераторов Югославии в апреле 1985 г. Знаковым событием стало издание 57 номера журнала «Нова ревия». Авторы статей были едины в стремлении избавиться от гегемонии коммунистической партии. Выдвигалось требование уважать права наций на самоопределение вплоть до создания ими независимых государств.

Таким образом, мы видим, что процессы, происходившие в Социалистических Республиках Сербия и Словения, были во многом схожи. Закономерным итогом их развития стал во многих аспектах трагический распад Союзной Федеративной Республики Югославия.

СЕРГЕЕНКО Е.С.

Институт славяноведения РАН

ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ СЕРБИИ КОСОВСКИМ ПРАВОСЛАВНЫМ ЦЕРКВЯМ И ШКОЛАМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В конце XIX – начале XX вв. независимая Сербия медленно, но верно реализовывала свою национальную программу, по которой все населенные сербами земли должны были быть объединены в одно государство. По замыслу сербской политической элиты, география новой «Великой Сербии» была бы весьма обширна и включала в себя территорию Боснии и Герцеговины, де-факто принадлежавшую Австро-Венгрии, и косовские земли, входящие в состав соседней Османской империи, где также проживали сербы. Однако со временем и в силу опре-

деленных обстоятельств (к примеру, аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г.) от идеи захвата австро-венгерских территорий стали постепенно отказываться. Уже в начале XX в. Сербское королевство сосредоточило свое внимание на османском Косовском вилайете со значительным сербским населением.

Косово, или Старой Сербии, где помимо сербского населения находились важные для сербов православные святыни, в том числе два монастыря – Высокие Дечаны и Грачаница, традиционно отводилось важное место в «великосербской» политике государства. Идея о «возвращении» косовских земель начала воплощаться в жизнь еще с середины XIX в. Тем не менее, фаза активных действий Сербии по присоединению Косово пришлось уже на период, последовавший за Берлинским конгрессом 1878 г., когда населенное сербами Косово оказалось за пределами нового Сербского государства. Через 3 года, в 1881 г., когда между Сербией и Австро-Венгрией был подписан секретный политический договор, княжество официально и окончательно отказалось от своих притязаний на боснийские земли, и, при поддержке двуединой монархии, вступило в почти тридцатилетнюю борьбу за Старую Сербию.

Сербские руководители использовали разные методы для реализации своих внешнеполитических замыслов. В первую очередь, со стороны Сербского государства оказывалась помощь православным церквям и монастырям Косово, куда посылались церковная утварь и книги, и, что немаловажно, финансовая помощь, которую использовали для восстановления фасадов и внутреннего убранства церквей. Школы Косово, где учились сербские дети, также не оставались в стороне. Сербские типографии специально для них печатали книги, а руководство страны добивалось разрешений от Порты на ввоз книг и учебников; учителя, работавшие в косовских школах, получали зарплату за счет сербской финансовой помощи, а если учителей не хватало или их квалификаций было недостаточно для проведения занятий, их присылали из Сербии; были среди учителей и добровольцы, которые ехали обучать сербских учителей и детей в Османскую империю по собственному желанию.

Наряду с государством и его институтами, выделявшими средства на школы и церкви в Косово, вклад в претворение национальной программы в жизнь вносили частные лица, специальные общества и фонды, существовавшие в Сербии в указанный период. Помощь оказывало и простое сербское население, которое делало пожертвования в фонды.

Симов М.И.
Софийский университет
им. Св. Климента Охридского
(Болгария)

**РУССКИЕ КОНСУЛЬСТВА НА БАЛКАНАХ И ИХ РОЛЬ
В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РУССКОЙ РАЗВЕДКИ
НАКАНУНЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.**

Деятельность русских (и не только русских) консулов на Балканах и в Османской империи, далеко не исчерпывалась только защитой личных, имущественных прав, интересов соотечественников и обеспечением безопасности торговых сношений. Консульские учреждения Российской империи, прежде всего, являлись своего рода посольствами среди местного населения и инструментом МИД в осуществлении сношений с христианскими общностями. Одна из, можно сказать, самых важных функций консулов заключалась в снабжении Петербурга информацией о районе их пребывания. Потребность в такой информации была обусловлена активной политикой России на Балканах. Ещё первое русское консульство, основанное в Венеции в 1711 г., помимо прочего, осуществляло сбор и передачу сведений о северо-западной части Балканского полуострова. С подписанием Кючук-Кайнарджийского мира (1774) Россия получила право на основании консульских представительств на Османской территории, в течении десятилетий консульская сеть расширялась и превратилась в важный инструмент русской дипломатической разведки в регионе.

В условиях, сложившихся в результате поражения в крымской войне, МИД России приступил к расширению своей консульской сети на Балканах, а среди причин для этого государственный канцлер А.М. Горчаков выделил потребность в информации. Эта потребность нарастала пропорционально с каждой вспышкой напряжения в регионе, а данный доклад фокусируется на одной из самых серьезных – известной как Восточный кризис (1875–1878).

Боснийско-герцеговинское восстание и последовавшие затем события на Балканах принудили Россию отступить от стратегии сдержанной политики и поставили её перед необходимостью начать непосредственную подготовку к войне с давним противником на Босфоре. В ситуации, требующей активной дипломатии и приготовлений к все более вероятным военным действиям, разведка приобретала ещё более важное значение. На протяжении месяцев, предшествующих объявлению войны, самым надёжным, разработанным и эффективным методом разведки оставался сбор сведений посредством консульско-дипломатиче-

ской сети в регионе. Информацией, доставляемой консульствами, пользовались как Министерство иностранных дел, так и Военное министерство, и Штаб Действующей Южной армии в Кишиневе.

Целью данного доклада является рассмотрение деятельности разведывательно-осведомительной сети, формируемой русскими консульствами на Балканах в период Восточного кризиса, акцент будет поставлен на непосредственную русскую подготовку к войне с Османской империей на Балканах и проведение разведки в этом контексте. Вопросы, на которые постараемся дать ответ, следующие: 1) Кем осуществлялась русская дипломатическая разведка на Балканах в данном периоде, и как она функционировала? 2) Какая информация содержится в донесениях консулов высшему начальству? и 3) Какова была роль получаемых сведений в процессе принятия политических решений и в военной подготовке России? Конечно, из-за ограниченного объема доклада нет возможности охватить весь информационный поток, шедший с Балкан в Петербург, вместо этого постараемся восстановить общую картину и дать представление о деятельности консулов в пользу разведки.

До сих пор данная тема затрагивалась только частично в научной литературе, объектом исследования была разведывательная деятельность, осуществляемая отдельными консульствами, но до сих пор нет публикаций, предлагающих более широкий взгляд на проблему.

В качестве основного источника используются документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Это донесения и секретные телеграммы русских консулов, также и переписка между МИД, Генеральным штабом и штабом действующей армии в связи с получаемой информацией.

Сопов В.И.

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

СЕРБСКИЕ ПРОГРАММЫ ДОСТИЖЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Сербское повстанческое государство Первого сербского восстания представляет собой яркий пример формирования государственно-правовой системы «с нуля», после четырех веков иноземного господства. Его формирование было бы невозможным без целого ряда внешних и внутренних факторов, среди которых немаловажная роль отводится подготовке теоретической и идеологической базы будущего государственного строительства. Специфическим этапом в развитии этой

базы были проекты государственного устройства сербов Османской и Австрийской империй, разрабатывавшиеся различными политическими деятелями XVIII в. Автором рассмотрены «проекты» сербского государства 1680-х – 1780-х гг.: Джурджа Бранковича (1688), Арсения IV Шакабента (1736/1737), Вольдемара фон Шметтау (1774), Давида Неранджича (1785–1787), а также черногорские программы – план Василия Петровича-Негоша (1762) и «Меморандум» Стефана Зановича (Ганнибала) (1784). Их анализ показал, что несмотря на различия по вопросу о границах славянского объединения, путях объединения и территориальном центре, все они с точки зрения государственно-правового облика будущего государства очень схожи. Авторы проектов будущее государственное устройство видели основанным на единоличной власти – по типу небольшой монархии или княжества, при том, что не исключалась и вассальная зависимость от одной из империй. Вместе с тем, немногие из авторов проектов уделяли внимание детальной разработке государственно-правовой системы будущего образования; в лучшем случае её представляли как весьма примитивную.

Отдельному рассмотрению подлежат проекты корифеев сербской культуры Нового времени – Й. Раича и Д. Обрадовича. Й. Раич, говоря о будущем государстве южных славян, видел в его составе «Далмацию, Хорватию, Карниолу, Славонию, Боснию, Сербию и Болгарию», не делая особого различия между населением этих территорий. В «Истории» Раича можно обнаружить обе главные отличительные черты проектов его предшественников – монархизм и лоялизм. Монархизм он принимал полностью и горячо отстаивал его, а лоялизм у него, по-видимому, подразумевал возможность пребывания в вассальном подчинении любому государству, кроме Османской империи. Ключевой принцип, который Обрадович рассматривал как основу национального объединения – лингвистическая общность: население Далмации, Герцеговины, Боснии, Хорватии, Словении, Срема, Бачки и Баната (кроме влахов), в его представлениях – один народ, который должен жить в своем государстве. Между тем, он вовсе не настаивал, чтобы это политическое образование было суверенным – этот принцип мы называем «устойчивой идентичностью»: жизнь под верховной властью другого государства, как считал Обрадович, не может повредить национальному самосознанию. Будущее освобождение от власти Порты он связывал с абсолютной монархией при большой роли православной церкви.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ В УКРАИНСКОЙ КНИЖНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Этногенетическая легенда, или миф о происхождении крупной группы населения, является, на наш взгляд, важнейшей составляющей этнических представлений. По сути, этот элемент книжной культуры является едва ли не единственным отличительным признаком, разделяющим собственно этническое самосознание от других форм идентичности (например, территориальной или социальной).

В украинской литературе во второй половине XVII – самом начале XVIII вв. мы встречаем две этногенетические легенды. Первая из них формируется еще в первой половине столетия и представляет собой миф, соединяющий средневековые библейские традиции (происхождение народа от Иафета, сына ветхозаветного Ноя) и сюжеты, сформированные уже в Новое время: представления о древности «народной» истории, ее соотнесение с основными событиями истории всемирной (такие как, например, походы Александра Македонского). Если вторая составляющая этого этапа истории в коллективной памяти оставалась на протяжении столетия неизменной и мифы о древних подвигах славян или россов «кочевали» из одного исторического сочинения в другое, то сама легенда о происхождении еще была относительно подвижна. Определенная черта этому была подведена в «Синописе Киевопечерском...», изданном в 1674 г., который через влияние на московскую историографию надолго закрепил легенду о происхождении славян от сына Иафета Мосоха.

Другая этногенетическая легенда появилась в самом конце XVII в. и представляла собой историю об отдельном этническом происхождении казаков от известных по летописным источникам хазар. Впервые эта легенда появилась в первом списке «Летописи Грабянки» около 1698 г. Возникнув как своего рода интеллектуальное предположение, эта легенда впоследствии была использована ближайшим соратником И. Мазепы, Филиппом Орликом в его «Конституции» для обоснования сословных привилегий казачества и проекта его автономизации.

**«ГОСУДАРЕВ ДВОР» КОРОЛЕВИЧА ВЛАДИСЛАВА ВАЗЫ
В 1617–1618 гг.**

В 1616 г. сейм Речи Посполитой согласился послать военную экспедицию в Москву. Официальная цель состояла в восстановлении Владислава Вазы на царском престоле и заключении перемирия. Права королевича на шапку Мономаха, гарантом которых являлись два договора между польско-литовской стороной и Россией в феврале и августе 1610 г., должны были быть также использованы в качестве важного аргумента в планируемых мирных переговорах с Москвой. Более того, права Владислава на престол являлись средством прекращения военных действий и обеспечения территориальных завоеваний Речи Посполитой в Смоленских и Северских землях 1609–1611 гг.

На заседании сейма перед собравшимися было представлено Московское государство, в котором до сих пор существовала сильная «пропольская» партия, ожидавшая «царя и великого князя Владислава Жигимонтовича». Эти сторонники могли бы помочь королевичу достигнуть своей цели – восстановить права на царский престол. В то же время на территории Речи Посполитой находились наиболее преданные и активные сторонники короля Сигизмунда III, которые в 1610–1612 гг. от имени царя Владислава практически руководили государством, а после капитуляции польско-литовского гарнизона в 1612 г. решили связать свою судьбу с родом Ваза в Речи Посполитой. Верные сторонники кандидатуры королевича на царский престол приняли участие в экспедиции и в течение 1617–1618 гг. входили в «государев двор» Владислава Вазы.

Свои притязания королевич подкреплял широкой идеологической программой, основой которой стало утверждение Владислава о том, что он является законным наследником шапки Мономаха. Направляясь в сторону Москвы, королевич Владислав создал вокруг себя репрезентативно-административный государственный аппарат, который должен был официально представлять московское общество и облегчить получение власти, создание нового правительства и установление порядка в стране. Реконструкция состава «государева двора» и анализ его деятельности во время похода 1617–1618 гг. являются предметом данного доклада. Эти значимые вопросы до сих пор не были предметом отдельного исследования.

Часть II

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

БАКШАЕВА А.А.

*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ В ХРИСТИНОПОЛЬСКОМ АПОСТОЛЕ XII ВЕКА

Христинопольский Апостол (АпХр) как рукописный памятник XII в. содержит важные свидетельства начального этапа падения редуцированных гласных.

В корнях слов традиционно наблюдается пропуск редуцированного в изолированной позиции: *по вторѣмъ* 270.2, *по двѣ лѣтѣ* 17.2, *кде* 204.1, *книгы* 8.1, *многы* 1.2, *дондеже* 28.1, *князи* 1.1. Написание без редуцированного преобладает в корнях *зѣв-*, *зѣл-*, *сѣл*. Только с редуцированным пишутся корни *тъл-*, *дѣн-*.

О сохранении сильных редуцированных свидетельствуют восточнославянские написания групп типа *Търт: *кърма* 38.1, *пѣлна* 106.2, *търгѣ* 12.1. Выпадение слабого редуцированного и сохранение сильного отражается в написаниях типа *рѣлта* 59.2, *шьлти* 194.1.

Наречия на *-гда* пишутся с редуцированным гласным в корне, между звонкими взрывными редуцированный не пишется: *кѣгда* 40.4, *инѣгда* 57.2. В наречиях на *-жьдо* слабый редуцированный в абсолютно слабой позиции выпадает: *когождо* 21.2, *комуждо* 23.2, *кѣждо* 149.2.

В суффиксах редуцированные, как правило, сохраняются. В сильной позиции: *начатѣкъ* 42.1 (*-ѣк-*); *вѣнѣць* 44.2 (*-ѣц-*); *мольбѣникъ* 263.2 (*-ѣб-*); и *свѣтъль* 290.2 (*-ѣл-*); *правѣдна* 30.2 (*-ѣд-*); *мужьскъ* 203.1 (*-ѣск-*), *величѣствія* 18.2 (*-ѣств-*).

В слабой позиции: *тяжьскы* 32.1 (*-ѣк-*), *начатѣка* 86 (*-ѣк-*), *окѣнѣцьмъ* 192.1 (*-ѣц-*), *мольбѣ* 285.2 (*-ѣб-*), *свѣтъль* 46.1 (*-ѣл-*), *правѣдою* 15.2 (*-ѣд-*), *всячьская* 125.2 (*-ѣск-*), *неистовѣство* 35.2 (*-ѣств-*).

Наблюдаются единичные случаи элизии: *горку* 48.2, *старцемъ* 5.1, *творци* 104.1, *службѣ* 99.1., *обидливъ* 265.2, *правды* 9.2, *морску* 44.1, *коварству* 252.2.

Суффикс *-ѣн-* и его производные оформляют более 1000 лексем. Наблюдается около 19% пропусков слабого редуцированного (как правило, в суффиксах *-ѣник-*, *-ѣниц-*), имеется два примера пропуска сильного: *коварнѣ* 193.2, *вѣрнѣ* 85.1.

В суффиксах причастий редуцированный сохраняется, но есть некоторые исключения: *избъравше* 6.2, *умършеи* 52.3 (всего 32 случая).

Пропуска редуцированных в приставках и предлогах *въ*, *съ*, *надъ*, *подъ*, *прѣдъ* не наблюдается, за исключением единичного написания *в неуже* 256.1. Наблюдаются случаи выпадения редуцированного в предлоге *къ* в примерах типа *к вамъ* 2.2, *к нимъ* 13.1 (около 20%).

В некоторых случаях безъероные приставки и предлоги пишутся с вставочным редуцированным: *изъ единого* 111.1, *възъустихъ* 101.1, *безъистьльние* 167.2, *отъмѣтание* 196.2, *объходящихъ* 17.2.

Слабый редуцированный может пропускаться в окончании глаголов 3-го лица ед. ч. настоящего времени перед энклитикой *ся*: *наречет ся* 39.1, *не повинует ся* 116.1.

В рукописи АпХр употребляются восточнославянские окончания Тв. п. ед. ч. имен существительных *о- и *ю-склонения (-ъмь и -ьмь соответственно): *свьѣтъмь* 2.1, *игъмь* 8.2, *мечъмь* 89.1.

Данные АпХр важны и показательны. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что при частичной утрате редуцированных гласных в слабой позиции сильные редуцированные в XII веке сохраняются.

ГАНЕНКОВА Т.С.

Институт славяноведения РАН

К ВОПРОСУ О ДАТЕЛЬНОМ ОБЪЕКТЕ В СОВРЕМЕННОМ МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В грамматике македонского языка Б. Конеского указывается, что в македонском языке существуют косвенные объекты, называемые также дательными, которые выражаются краткими формами личных местоимений в дательном падеже (*му реков* 'я ему сказал'), полными формами личных местоимений в дательном падеже или сочетанием предлога *на* с именной группой с обязательным «удвоением» дательного объекта при помощи краткой формы личного местоимения в дательном падеже (*му реков нему* 'я сказал ему', *му реков на Иван* 'я сказал Ивану'). Б. Конески пишет о том, что дательный объект всегда «удваивается», если объект положительно маркирован по признаку определенности / неопределенности. При этом он приводит примеры из произведений до кодификации македонского языка, которые противоречат этому правилу, отмечая, что такие примеры встречаются крайне редко. Если же дательный объект выражен неопределенной именной группой, то, по данным Конеского, он «удваивается» регулярно (Конески 1967: 266). Л. Минова-Гюркова дополняет его правило, указывая, что неопределенные именные группы «удваиваются» чаще, если содер-

жат слово *еден, некој*, вопросительные, относительные, отрицательные и определительные местоимения, а также если существительное употребляется в общем генерализирующем значении (Минова-Гюркова 2006: 442–444).

В докладе предпринимается попытка уточнить данное правило. Во-первых, анализируется, какие типы объектов и при каких глаголах можно отнести к косвенным (дательным) в современном македонском языке. Во-вторых, предпринимается попытка дать более точный ответ на вопрос об условиях маркирования («удвоения») и немаркирования таких объектов, поскольку собранные нами данные показывают, что существуют контексты, в которых сформулированное Б. Конеским правило «нарушается» чаще, чем в других.

ЛИТЕРАТУРА

Конески 1967 – *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1967.

Минова-Гюркова 2006 – *Минова-Гюркова Л.* Граматика на македонскиот стандартен јазик за странци. Штип, 2006.

КОРОЛЁВА С.Ю., КЛЮЙКОВА Е.А.

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет*

«КНИГИ ЖИВОТНЫЕ» И СИНОДИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ ФОЛЬКЛОРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН¹

На рубеже XIX–XX вв. на территории современной Белоруссии записаны произведения религиозного фольклора, определявшиеся исследователями как молитвенное воспевание (П. Шейн), молитва, стих (Е. Романов), стих на помин души (В. Варенцов), стих заупокойный (П. Бессонов); зафиксировано народное их название *поминальный спев* (Н. Никифоровский). Они имеют сходный зачин (*Вспомяни, Господзи / Гспади, спамяни...*) и структуру, в основе которой – открытый перечислительный ряд поминаемых: родственников (*дяды ваши и бабуси, отцы ваши да матуси, дядьки ваши да тетки...*), погибших внезапной смертью (*На огне сгорящих, / На водзе потоплящих...*) и других категорий умерших. Ареал бытования традиции включал части Витебской и Могилёвской губерний; такие духовные стихи и неканонические молитвы исполнялись нищими (*старцами*) и приурочивались к *дедам* –

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-14-59003 («Похоронно-поминальный фольклор Прикамья в системе русской традиционной культуры»).

календарным поминальным дням. (В известных нам украинских материалах о *дедах* сходные тексты не обнаруживаются.)

Связанные с *дедами* ритуалы (в т.ч. краткие заклинательные тексты – приглашения душ умерших к трапезе) подробно рассматривают российские и белорусские ученые (С.М. Толстая, О.А. Седакова, Е.Е. Левкиевская, О.Н. Шарая); однако связанные с обрядом тексты религиозного фольклора остаются на периферии исследовательского интереса. Между тем возникает вопрос об отражении в некоторых восточнославянских народных обрядовых практиках церковных форм богослужения.

Сходные с белорусскими духовные стихи зафиксированы на русском Северо-Западе (Новгородская и Вологодская губ.); похожие молитвенные тексты до сих пор бытуют в Северном Прикамье, в зоне русско-коми-пермяцких контактов. Наличие сходных текстов в отстоящих друг от друга этнокультурных традициях логично объяснить происхождением из одного церковного первоисточника; по-видимому, им является «Молитва о всех умерших христианах», переложенная на церковно-славянский язык в XV в. и первоначально функционировавшая в составе монастырских синодиков-помянников, где ею открывался список поминаемых (обычно вписанных за богатый вклад).

О том, что в народной культуре русских и белорусов указанные поминальные тексты, равно как и сама практика их исполнения, могли сложиться под влиянием церковной синодичной традиции, свидетельствует один из мотивов – просьба к Богу вписать имена умерших в «*книги животные, грамоты церковные, псалтири субботние*» (ср.: аналогичный мотив – но уже в виде формулы вознаграждения – встречается в записях «Сказания о 12 пятницах»). Он связан с представлением о том, что у Бога есть книга с именами тех, кому дарована вечная жизнь (упоминается в Новом Завете, в молитве Иоанна Златоуста из вечернего молитвенного правила и др.). Храмовые синодики воспринимались как земное отражение небесной *книги животной / книги живота*; вписывание туда – особенно на вечное поминание – считалось действенным средством спасения души, но было недоступно для простых людей. Возможно, этим обусловлено появление указанного мотива (с прямой просьбой к Богу или ангелам) в текстах поминального религиозного фольклора.

ЖЕНСКИЙ РОД В РУСИНСКОМ ИМЕННОМ СКЛОНЕНИИ

В докладе речь идет об особенностях женского именного склонения в четырех вариантах кодификации русинского литературного языка в сравнении с тремя другими восточнославянскими языками – русским, украинским и белорусским. Исследуется степень взаимной унификации форм существительных женского рода на **-a* и на **-i*.

Русины – автохтонное восточнославянское население территории, прилегающей к Карпатам. Русинский литературный язык сейчас представлен четырьмя кодифицированными локальными вариантами: закарпатским, лемковским, пряшевским и южнорусинским. Под кодификацией понимается появление авторитетных грамматик и словарей, созданных профессиональными лингвистами (и признаваемых другими исследователями) и фиксирующих языковую норму.

За точку отсчета для анализа была взята стандартная морфологическая система, восстанавливаемая как исходная для всех восточнославянских языков – система склонения древнерусского языка. Слова женского рода в ней распределены в основном между склонениями на **-a* и на **-i*, а в склонении на **-a* различаются твердая и мягкая разновидности. Два типа «женского» склонения различаются флексиями, а также системой падежных противопоставлений: омонимии флексий в Р.-Д.-М.п. ед.ч. в склонении на **-i* (*волост-и*) противопоставлена парадигма склонения на **-a / *ja*, в которой Р.п. ед.ч. и Д.-М.п. ед.ч. имеют разные флексии (*вод-ы - вод-ѣ, земл-и - земл-ѣ*).

Далее древнерусская система женского склонения сравнивается с системами склонения в русском, украинском и белорусском языках и в четырех вариантах кодификации русинского языка. В ходе анализа выявлено, что во всех языках в разной степени реализуются следующие тенденции:

- объединение твердой и мягкой разновидностей в склонении на **-a / *-ja*;
- унификация системы падежных противопоставлений двух женских склонений на **-a / *-ja* и на **-i*;
- унификация падежных флексий склонений на **-a / *-ja* и на **-i*.

На общем фоне восточнославянских литературных языков, в которых тенденция к унификации форм существительных женского рода проявилась примерно в равной степени, выделяется южнорусинский язык, в котором представлена уникальная для восточнославянских языков ситуация с омоформой Р.-Д.-М.п. ед.ч. в обоих женских склонени-

ях и унификацией флексий этих падежей (*школ-и, кухн-ї, косц-и*), а также Т.п. ед.ч. (*школ-у, кухн-ю, косц-у*).

Была проанализирована также система склонения прилагательных. В формах женского рода прилагательных каждый вариант литературного языка отражает те падежные оппозиции, которые имеются в нём в формах существительных.

Русинские языковые данные подтверждают участие грамматического рода в процессе унификации парадигм и позволяют объяснить с позиций морфологии аналогичные процессы в формах прилагательных.

ЛИТЕРАТУРА

Копорова К., Плішкова А. Русинський язык про зачаточників. Пряшів, 2011.

Мегела А. Граматика русинського літературного языка. Ужгород, 2014.

Рамач Г. Граматика руского языка за I, II, III и IV класу гимназії. Београд, 2006.

Фонтанський Г., Хомяк М. Граматыка лемківського языка. Katowice, 2000.

Шульга М.В. К интерпретации падежной омонимии в русском склонении // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 88–97.

МИРВОДА Т.А.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ФЕНОМЕН КРИПИПАСТЫ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Крипипаста является одним из самых малоизученных явлений сетевого фольклора.

В русскоязычной среде существует два основных понимания данного термина. При широком понимании крипипастой обозначают все семиотические формы «страшного» в сети. В узком понимании к крипипасте относят бытующие в интернете «страшные» вербальные тексты. В последнем случае жанровое понятие *крипипаста* функционирует в одном концептуальном пространстве с жанровыми метками *страшилка, городская легенда, страшная сказка, быличка*, а также *смертельный файл, жуткий мем*.

Языковые различия накладывают на понимание термина свой отпечаток. Белорусы и украинцы, обращаясь к данному феномену, преимущественно используют русскую форму «крипипаста», употреб-

ляемую только в единственном числе, тогда как поляки, чехи, болгары и сербы пользуются английским «сгееруpasta», изменяя его по числам.

В польской интернет-культуре под крипиастой в основном понимают *Miejskie legendy* (городские легенды), они же *Straszne Historie* (страшные истории). Изредка встречаются суждения об отнесении к крипиасте *opowieści do poduszki* (аналог русских детских страшилок).

Следует отметить существенную разницу в понимании феномена крипиасты ее авторами и читателями в разных культурах. На англоязычных ресурсах обычно присутствует от 5 до 10 жанровых рубрик «страшных историй», нередко с отдельным выделением крипиаст, и сверх того, более дробное по тематике. На польских ресурсах, как правило, имеет место распределение текстов на две группы – страшные истории и рассказы, основанные на страшных фактах, связанных с польской историей, наукой, общественной жизнью. Во вторую группу попадают и заметки по славянской мифологии и демонологии.

На крупных отечественных ресурсах с крипиастой обнаруживается более 15 жанровых рубрик, что объяснимо большей популярностью крипиасты в Рунете.

Польская крипиаста, за редким исключением, представляет собой переводы англоязычных текстов. В российской среде «культурный импорт» не поощряется, хотя и не скрывается намеренно.

Можно предположить, что мы имеем дело с двумя разными культурными тенденциями. В Польше наблюдается установка на лучший перевод готовой крипиасты, а в России на собственное сочинительство или компиляции. Тем не менее, в обеих традициях существует устойчивый круг сюжетов, мотивов и образов, составляющий, по мнению русского и польского интернет-сообщества, костяк «классической» крипиасты. Изучение формально-стилевой и функциональной природы этих интернет-нарративов, в том числе их генетических и эволюционных связей с формами традиционного и современного страшного фольклора, и составляет задачи и перспективы нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Ostajewski Marcin. Nieproszony gość pod łóżkiem (Never alone, Shadowlurker, Horrifying House Guest) // memowisko ...encyklopedia memów internetowych. – 2012. – 8 мая; 15 сентября – URL: <http://www.-memowisko.com/>

Slenderman, The Rake, Jeff the killer // memowisko ...encyklopedia memów internetowych. – 2012. – 8 мая; 15 сентября – URL: <http://www.-memowisko.com/>

ЛАТЫШСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: СТРУКТУРНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Латышская антропонимика представляет большой интерес с точки зрения лингвистики, истории и культурологии. Её особенностью является то, что латышский именованослов формировался под влиянием политики государства, развития духовной культуры латышей, различных вероисповеданий. Латышские антропонимы можно подразделить на несколько основных групп:

1) дохристианские имена (в настоящее время в обиходе редки), самые популярные из которых взяты из латышской мифологии – *Laima* ‘богиня счастья, судьбы’, *Lauma* ‘волшебница’;

2) европейские христианские имена, фонетически и морфологически адаптировавшиеся в латышском языке – *Ilze* (от Elizabeth), *Kristaps* (от Christopher);

3) иноязычные имена, заимствованные в XX в. – русские, литовские, скандинавские и другие;

4) имена периода «национального возрождения» второй половины XIX в.: личные имена, искусственно образованные на базе исконной латышской лексики поэтом Аусеклисом.

Происхождение антропонимов из первой и четвертой групп зачастую путают сами латыши: по своей структуре имена, созданные Аусеклисом, очень похожи на исконно латышские, потому что также образованы от латышских антропооснов и имеют прозрачную семантику. Сегодня трудно утверждать, какие имена всегда были в ходу у латышей, а какие – появлялись или возрождались постепенно. В работе я рассматривала только те группы имен, которые маркированы как исконно латышские в «Словаре латышских имен», составленном Клавсом Силиньшем.

Исследователи отмечают, что латышский язык выделяется в вопросах ономастики. Особенностью латышских антропонимов является то, что один и тот же корень может быть продуктивным для образования как мужских, так и женских имен; имеют место варианты одного и того же имени, то есть от одной антропоосновы образованы несколько единиц, различающихся способом образования или оттенками значения (от *egle* – ‘ель’: *Egle* – женское имя, *Eglīte* (от *egļīte* – ‘ёлочка’) – утвержденный в словаре как отдельное имя диминутив от *Egle*). Как и в русском языке, в латышском развита категория рода, которая обязательно находит отражение в именах и фамилиях. Мужские

латышские имена будут иметь окончания -s, -š, -is, -us, женские – -a, -e. Это правило обязательно распространяется и на заимствованные имена. Основных словообразовательных схем две: антропооснова + родовое окончание и одна антропооснова. Имена, образованные от глаголов или прилагательных, чаще всего строятся по первой схеме; по второй – антропонимы, образованные от прилагательных и существительных. Существительные, как правило, переходили в категорию имени собственного без изменения и образовывали мужское или женское имя в зависимости от рода самого существительного. Это, например, названия птиц, растений, культурных феноменов (например, женское имя Deja (от deja ‘танец’), Dzeja (от dzeja ‘поэзия’) – имеют только женские варианты, а Dzintars (от dzintars ‘янтарь’) – только мужской). Распространено также образование путем сложения основ. Типичная формула – антропооснова + формант со значением глагола ‘делать’ (darīt), ‘царить, господствовать, властвовать’ (valdīt), ‘ждать’ (gaidīt), ‘мочь’ (varēt), ‘нести’ (nest) и др. + родовое окончание. Например, Gundars – guns+darīt ~ огонь+делать = «делающий огонь», Gunvaldis, соответственно – «властвующий над огнем». Таким образом, можно определить семантику двуосновных имен: -dars, -vars, -valdis в латышских мужских именах указывают на то, что имя составлено с помощью глаголов darīt, varēt и valdīt соответственно.

Изучая семантику антропооснов, можно заметить, что для имен и фамилий латыши часто выбирали лексемы, обозначающие родную флору и особенности ландшафта. Как и у других народов, имена изначально были связаны с природными явлениями, деревьями, птицами, цветами. Это такие имена, как Ieva, Vītols, Ozols, Gaigala, Irbe, Sniedze, которые, по верованиям людей, воплощали в себе силы природы, то есть наделяли носителя такого имени особыми жизненными силами. Так же можно объяснить использование теонимов из латышской мифологии (Pērkons ‘Гром’, Saule ‘Солнце’, Jods ‘Бес’, Mēness ‘Луна’, Auseklis ‘Утренняя звезда’, Austra ‘Аврора’, Laima ‘Счастье’, Kārta ‘Судьба’). Их латыши выбирали в надежде на то, что они будут защищать их детей и покровительствовать им.

В докладе будут подробно рассмотрены типы имен в зависимости от семантики производящей основы. Основные выделенные мной лексико-семантические группы следующие:

1) имена, образованные от существительных, значения которых можно отнести к флоре и особенностям ландшафта:

- деревья (например, Ciedra (от ciedra ‘кедр’), Kļāvs (от Kļava ‘клён’), Liera (от liera ‘липа’));
- цветы;
- элементы ландшафта (Celms (от celms ‘пень’), Danga (от danga ‘ухаб’)).

2) Имена, образованные от существительных, обозначающих латвийские географические объекты и наименования национальных символов.

3) Имена, образованные от названий птиц:

Balodis (от balodis ‘голубь’), Cīgulis (от cīgulis ‘жаворонок’), Dūja (от dūja ‘голубка’ (разг.)).

4) Имена, образованные от названий природных явлений:

Banga (от banga ‘вал, высокая волна’), Blāzma (от blāzma ‘за рево’),

Dvesma (от dvesma ‘дуновение, веяние’), Dedze (от глагола degt ‘гореть’, ‘пламя’).

5) Имена, образованные от названий предметов быта.

6) Имена, образованные от существительных, называющих абстрактные понятия.

7) Имена, образованные от прилагательных.

Для образования имен собственных в латышском языке используются в основном названия элементов родной флоры, фауны, часто используемых в быту предметов; в семантике имен находит отражение и то, что Латвия – преимущественно аграрная страна.

ЛИТЕРАТУРА

Ахтанова М.В. Проблемы лексикографии собственных имен. Саратов, 2003.

Суперанская А.В., Сталтмане В.Э. и др. Теория и методика ономастических исследований, 2007.

Siliņš K. Latviešu personvārdu vārdnīca. Rīga, 1990.

НИКОЛАЕВА С.В.

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН*

О ФОРМУЛЕ И МЕТРИКЕ В СТАРШИХ ДУХОВНЫХ СТИХАХ

В докладе будут представлены предварительные результаты наблюдений над корпусом старших духовных стихов (СДС), в который вошли тексты из сборника А.В. Маркова «Беломорские старины и духовные стихи» (Беломорские старины 2002), из неизданных ранее материалов экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых (Соколовы 2007) и собрания А.Д. Григорьева (Архангельские былины 2002–2003).

В качестве основной особенности поэтики СДС указывают обычно их близость к былинам. Естественно предположить, что СДС так же, как и былины, должны обладать особой формульностью (Лорд 1994). Од-

нако оказалось, что число повторяющихся словосочетаний невелико, а главное – значительную часть составляют такие, которые встречаются лишь в вариантах одного и того же сюжета. По-видимому, такой повтор является не свойством поэтики СДС вообще, а свойством каждого данного сюжета.

Что касается особенностей стиха, то у нас нет не только систематического описания метрики ДС (за исключением замечания М.Л. Гаспарова о том, что стих ДС близок к молитвословному – Гаспаров 1997: 93), но остается спорной сама трактовка былинного стиха (которым, как принято считать, поются СДС). Наиболее устойчивым признаком былинного стиха, пожалуй, можно назвать дактилическую клаузулу. Однако далеко не для всех повествовательных ДС этот признак характерен. Так, в описанном корпусе часть ДС имеют женские окончания (Гаспаров 1999: 31; Гаспаров 1997: 64; Jakobson 1966). Преимущественно дактилическое окончание имеют, как правило, варианты одних и тех же сюжетов: *Голубиная книга*, оба сюжета ДС *о Егории (Мучения Егория* и змеборческий сюжет *Егорий и Елизавета)*, а женская клаузула присуща таким, как *Борис и Глеб*, *Алексей человек Божий*, *Аника Воин*, *Вознесение*.

По-видимому, можно говорить о том, что даже СДС далеко не всегда сложены чисто былинным стихом, и, каков бы ни был этот стих, он отличается от былинного по основным параметрам. Более того, кажется вероятным, что стих (метрика), как и формульный репертуар, это признак не жанра повествовательных духовных стихов как целого, а отдельных сюжетов или групп сюжетов.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельские былины 2002–2003 – Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. СПб., 2002–2003. (Полное собрание русских былин. Т. 2).

Беломорские старины 2002 – Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова / РАН. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). СПб., 2002.

Гаспаров 1997 – *Гаспаров М.Л.* Русский народный стих и его литературные имитации // *Избранные труды*. Т. III. О стихе. М., 1997. С. 54–131.

Гаспаров 1999 – *Гаспаров М.Л.* Метр и смысл. М., 1999.

Лорд 1994 – *Лорд А.Б.* Сказитель. Пер. с англ. и прим. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. М., 1994.

Соколовы 2007 – Неизданные материалы экспедиций Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга / Изд. подгот. В.А. Бахтина. М., 2007.

Jakobson 1966 – *Jakobson R. Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilbler // Selected Writings. IV. Slavic Epic Studies. The Hague, Paris, 1966. P. 19–38.*

ПАНИНА Ж.А.

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

**ПЬЮТ ШИШКОВОЕ, ЧТОБЫ ШИШЕК НЕ КЛАЛИ:
НАЗВАНИЯ ГУЛЯНИЙ С УГОЩЕНИЕМ, УСТРАИВАЕМЫХ ПО
СЛУЧАЮ ЗАВЕРШЕНИЯ ОДНОГО ИЗ ЭТАПОВ ПОСТРОЙКИ ДОМА
ИЛИ КЛАДКИ ПЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ)**

Строительство дома, хотя и было личным делом семьи, никогда не обходилось без помощи извне, со стороны (в особенности это касалось кладки печи – хороший печник всегда был редкостью), в связи с чем привлекались наемные работники – не только родственники и соседи, но и остальные жители деревни, даже маленькие дети. Дополнительные рабочие руки существенно ускоряли процесс постройки дома. Чтобы заплатить помощникам за работу, хозяева устраивали гуляние с обильным угощением и спиртными напитками.

Кроме практической цели – расплатиться с работниками – празднование преследовало и своего рода магическую цель – обеспечение нормального функционирования того элемента конструкции дома, завершения строительства которого отмечалось, а также поддержание хороших отношений с плотниками и печниками, которые, как считалось, владели тайными знаниями и могли навредить хозяину, не выполнившему их требований.

Перед началом постройки дома хозяин подносил помощникам *шишкóве*. Этот обычай был связан с верой в то, что недовольные чем-либо строители могли *положить шíšек* – навредить жильцам дома, используя особые знания, например, сделать так, чтобы жильцам дома мерещились покойники или в доме раздавались голоса и посторонние звуки.

Гуляние с угощением, устраиваемое после укладки первого венца бревен в срубе – *оклада, окладного* или *окладных брёвен* – называлось *окладное* или *окладовое* и отмечалось преимущественно на северо-востоке архангельского региона.

Укладка *мáтицы (мáтницы)* – несущей балки потолка – отмечалась гулянием, носившим название *мáтичное, матничное* или *мá-*

тичное, а также *череповбе* (по названию *череповых бревен* – верхних бревен сруба, на которые настилался потолок).

После укладки несущей балки потолка начинали делать крышу. В честь окончания строительства крыши (как правило, по случаю укладки последнего бревна) устраивалось гуляние, называемое *князевбе*, *князевая*, *князевбе* или *князевуха*, *коньковое*, *коневбе*, *крышиное*.

После завершения укладки печи в новом доме следовало организовать гуляние, называемое *вывод*, *окладное* или *дымовбе*. Наименование *вывод* образовано от названия печной трубы – *вывод* – путем метонимического переноса. Лексема *окладное* связана с тем, что фундамент печи назывался в числе прочего *окладом*. Наименования *дымовбе* и *дымовая* связаны с функцией печи – выводить дым из избы.

Считалось, что без праздничного угощения новая печь не будет функционировать должным образом – «*дым не пойдёт*». Однако могло быть и наоборот: *дымовбе* организовывалось только в том случае, если печь была сложена качественно и первый дым после топки проходил хорошо.

САЕНКО М.Н.

Институт славяноведения РАН

О ВОЗМОЖНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ ТИПОВ СКЛОНЕНИЯ НА *-i- И *-i-

Определенную проблему для славистики представляет группа окончаний праславянского *-i-склонения, в которых мы находим сочетание *-ьj- перед гласным (сюда относятся форманты *nom.pl. *-ьje*, *gen.pl. *-ьjъ*, *gen.-loc.du. *-ьju* и *ins.sg. *-ьjq*), причем окончание *nom.pl. *-ьje* стоит на месте достоверно реконструируемого праиндоевропейского *-eǵ-es.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что данное соответствие невозможно объяснить фонетически, и здесь следует искать какое-то собственно морфологическое изменение. Ключевым пунктом является окончание *gen.pl.*, где одни ученые реконструируют суффикс на полной ступени (*-eǵ-), другие – на ступени редукции (*-i-), а третьи – оба варианта.

Данные индоевропейских языков позволяют утверждать, что реконструирование для праиндоевропейского состояния форманта *-eǵ- от *gen.pl.* не имеет особых оснований, и здесь следует видеть форму *-i-om, которая, скорее всего, по закону Зиверса могла иметь вариант *-ij-om после «тяжелых» основ.

В таком случае наиболее вероятным объяснением для *ь в окончании *-ьje является обобщение *-i- по всей парадигме множественного числа, причем форма gen.pl. *-ij-om послужила образцом для перестройки *-ej-es > *-ij-es.

Тем не менее, в этой ситуации обращает на себя внимание полное отсутствие подобных перестроек в типе склонения на *-u-, который очень долго был полностью параллелен типу на *-i-. Возникает вопрос, почему упрощение аблаута произошло по-разному: *-i-//*-ej-//*(i)j- > *-i-//*-ij-, но *-u-//*-ou-//*(u)u- > *-u-//*-ou-?

Как нам кажется, это объясняется тем, что дополнительным стимулом для данного изменения в *-i-склонении стала ориентация на тип на *-ī-, поскольку после падения ларингалов формы этих двух типов стали сильно напоминать друг друга.

При такой трактовке форманты gen.pl. *-ij-on и gen.-loc.du. *-ij-oucs *-ī-склонения способствовали распространению комбинаторных вариантов *-ij-on и *-ij-oucs в *-i-склонении, а также описанной выше перестройке в nom.pl., где для *-ī-склонения следует реконструировать формант *-ij-es.

Резюмируя всё вышесказанное, следует сделать следующие выводы: 1) фонетического изменения *ejV > *ijV в праславянском не было; 2) реконструкции формантов gen.pl. и gen.-loc.du. *-i-склонения как *-ejom и *-ejoucs не имеют под собой основания, данные различных ветвей индоевропейской семьи говорят в пользу реконструкции суффикса на нулевой ступени: *(i)jom и *(i)joucs; 3) перестройка форманта nom.pl. *-ejes как *-ijes объясняется обобщением суффикса *-i- по всей парадигме склонения; 4) весьма вероятно, что немаловажным фактором, поддержавшим этот процесс, было взаимодействие со склонением на *-ī-, для которого было характерно наличие элемента *-ij- перед окончаниями, начинавшимися на гласный. Это также объясняет, почему в типах склонения на *-i- и *-u- упрощение исходного аблаута пошло разными путями.

СЕРГЕЕВА А.С.

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

«ЛЕНЬ» В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КАРТИНАХ МИРА

У каждого народа свое понимание мира, сформированное различными обстоятельствами, и это понимание находит свое отражение в языке. Для обозначения уникального миропонимания народа немецкий лингвист Л. Вайсгербер вводит понятие «картины мира». Носители разных языков являются носителями разных картин мира. Поэтому

часто при международных контактах возникает проблема поиска правильных эквивалентов, и двуязычные словари не могут помочь в решении этой проблемы.

В докладе сравниваются немецкая и русская картины мира через понятия *ленивый* – *faul* на материале данных этимологических, фразеологических, идеографических словарей и словарей синонимов. На основе полученных результатов проанализировано отображение языковых картин мира в немецко-русском словаре.

Интересны различия в этимологии слов. Русское слово *лень* восходит к старославянскому *лѣнь*, имеющему то же значение. Похожие корни встречаются не только в славянских (словен. *lên*, ж. р. *léna* ‘ленивый, вялый’, др.-чеш. *léný*, чеш. *líný* ‘ленивый, медлительный’), но и в других индоевропейских языках: лит. *lénas* ‘спокойный, ручной, медлительный, вялый’, латыш. *lèns* ‘ленивый, медленный, кроткий’, лат. *lassus* ‘вялый, усталый’.

Немецкое прилагательное *faul* – общегерманское прилагательное (ср.-верх.-нем. *Vul*, др.-верх.-нем. *ful*, гот., *fuls*, англ. *foul*, швед. *Ful*) – дословно обозначает ‘вонючий, тухлый’. Образовано от индогерманской глагольной основы **pu* ‘тухнуть, вонять’, которая, вероятно, произошла от звукоподражания «фу» (**pu* «*pfui!*»). Кроме того, эта основа встречается в древнеисландском (*Fui* ‘гниение’, *fuinn* ‘протухший’).

Существенны различия в синонимическом ряду. В русском языке у слова *ленивый* есть синоним *празднолюбивый*, у немецкого слова *faul* – ‘*arbeitsscheu*’ (дословно ‘боящийся работы’). Хотя у слов *лентяй* и *Faulpelz* (дословно ‘гнилая шкура’; ‘лентяй’) есть практически тождественные по значению синонимы *ленивец* и *Faultier*. Оба этих слова изначально использовались для наименования млекопитающего, обитающего в Южной Америке, но потом так стали называть и людей.

При рассмотрении понятия «лени» в русском и немецком языках очевидны различия в картинах мира этих двух народов. Для немецкого сознания «*faul*» имеет отрицательное значение: лень дурно пахнет, ленивый человек одет в «гнилую шкуру». Вряд ли носитель немецкого языка сможет назвать лень «матушкой», как это может сделать человек русскоговорящий. В русском языке понятие «лень» не имеет столь негативного значения. Лень – это расслабленность, медлительность, ленивый человек скорее праздно проводит время, «баклуши бьет» и «в бирюльки играет».

Из этого следует, что приведенное в немецко-русском словаре в качестве прямого эквивалента слову *faulenzen* выражение *бить баклуши* неверно, так как в немецкой картине мира понятие «лень» носит скорее негативный характер, словарь не разъясняет внутренней формы

слов, например, у существительного «Faulpelz» («гнилая шкура»), а дает только русский перевод.

СКАЧЕДУБОВА М.В.

Институт русского языка РАН

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ -Л- ФОРМЫ В ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С БОЛГАРСКИМИ ПАМЯТНИКАМИ

В ходе анализа форм перфекта в Ипатьевской летописи (ИЛ) был обнаружен ряд контекстов, в которых *-л-* форма не имеет перфектного значения. Во многих из них *-л-* выступает в значении причастия прошедшего времени на *-ъш/-въш-*. Примеры можно поделить на две группы.

1. Часть обнаруженных примеров может быть соотнесена с контекстами, в которых по данным А.А. Пичхадзе обычно употребляется причастие, а не личная форма глагола. Например, в конструкциях, вводимых союзом *яко*, имеющих значение ‘как, словно’, ‘в качестве’, ср.: **славень боудоу црь великъ въ еллинѣхъ и варварѣхъ, яко толика црѣ силна дарна оубивѣ** (Александрия 45). Сравним с аналогичным примером из ИЛ:

приде же и Дѣдъ по немъ. яко звѣрь оуловилъ. и посадиша и оу дворѣ Ваѣвѣѣ. і прѣставиша .л. мужь стрѣщи (Л. 90) – «Давыд пришел, словно зверя поймав / в качестве поймавшего зверя». Таким образом, здесь можно говорить о том, что *-л-* форма выступает в качестве причастия прошедшего времени.

2. В другой группе примеров *-л-* форма стоит в одном ряду с аористом или имперфектом, к которым она может присоединяться с помощью союза *и*. Если ее трактовать как причастие, то мы получаем абсолютно нормальную для древнерусского конструкции типа «вставь (и) рече», подробно разобранный А.А. Потемной (причастие обозначает побочное действие, личная форма – главное). Ср. в ИЛ:

и приде Володимеръ ко королеви. король же понмалъ Володимера и со всеми полкы поиде к Галичу (Л. 229 об. – 230) – «взяв Владимира, король пошел со своими полками к Галичу».

Употребление *-л-* формы в качестве причастия прошедшего времени отражается также в древнейших болгарских памятниках. Однако особое распространение это явление, как отмечает Й. Русек, получает в памятниках XVI–XVII вв. Множество примеров обнаруживается, например, в дамаскинах: **и като нѣкон коги е уморень о(т) дългъ**

путь и прогорѣль о(т) пекъ и ожьднѣль и нанде кладенць студень (Копр. 161) – «и как некто, кто есть уставший от долгого пути, изжарившись от жары и страдая жаждой и нашел холодный источник»; и кога о(т)крыха трапат и намѣриха с(вѣ)т(а)го че стои правь, и рыцѣте си вдигнал нагор на н(ѐ)во, и благодарѣ в(о)га (Любл. 53а) – «и когда открыли яму и обнаружили, что святой стоит, и, подняв руки наверх, благодарит бога».

Таким образом, можно констатировать, что в определенный момент *-л-* причастие и причастие прошедшего времени на *-ъи/-въи-* становятся семантически и функционально синонимичными. По-видимому, синонимия причастных образований приводит к вытеснению одного из них: в русском языке причастные свойства теряет *-л-* форма, в болгарском исчезает причастие на *-ъи/-въи-*.

СТРУГАНОВА Е.Н.

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

ЛАНДШАФТНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В БОЛГАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВОЗВЫШЕННОСТИ И НИЗИНЫ»)

В данной работе исследуется буквальный образ фразеологизма, в котором содержатся лексемы, обозначающие возвышенности и низины. Устанавливается, к каким значениям чаще всего восходят эти образы, и дается попытка анализа культурно-значимой информации.

В данной категории фразеологизмов по словарю «Фразеологичен речник на български език» (Ничева К., Спасова-Михайлова С., Кр. Чолакова) было найдено 25 фразеологизмов.

Для анализа фразеологизмов была приведена формула «имеется в виду, что...» (ей пользуются создатели «Большого фразеологического словаря русского языка» под ред. В.Н. Телия), затем рассматривается буквальный образ фразеологизма, выявляются скрытые значения, которые несет этот образ. Таким образом, фразеологизм представляет собой свернутый текст, который исследователь разворачивает.

Результаты анализа были обобщены и разделены по следующим категориям:

а) **гайдуки**. В болгарских фразеологизмах присутствует реалья, недоступная русскому языку – «убегать в горы, становиться гайдуком» (*хвацаам/хвана планината*).

б) **Мужское – женское.** Противопоставление мужского и женского с помощью образа горы (*Балкан* и *Стара планина*). «Балкан» и «планина» несколько раз появляются в различных фразеологизмах: *доде оберат лозята по балкана, бия; замъчила се планината, та родила мишка* и в других. *Балкан* ассоциируется с отцом, а *Стара планина* – с матерью. Интересно, что географически это один и тот же объект.

в) **Сила.** Понятие силы, надежности, величественность горного массива ассоциируется с человеческими качествами. Выражается фразеологизмом *като планина*. Человек не сам является носителем качества силы, но приобретает его в определенных ситуациях (когда кому-то нужна защита).

г) **Лень.** С помощью образа горы показана лень (*билки дия по баира*). Буквально – искать травы по холмам.

д) **Вред.** *Нарекла се баба за бърдо* – когда кто-то хочет сделать что-то плохое. Идти по горам в неизвестном направлении для болгар означает «делать пакости, совершать скрытый вред». «Отправилась бабка на холм/ гору»; если вспомнить, что гора – место совершения различных ритуалов, место сбора нечистой силы, то здесь можно увидеть отголоски народной магии.

е) Неслышанное **богатство**, которое нельзя заполучить, выражено с помощью фразеологизма *обещать золотые горы (обещавам златните планини)*.

ж) **Удача/ неудача.** Представлено в болгарском языке с помощью образа пропасти (*завеждам/заведа в пропастта някого*), ямы (*напред стръмно, назад яма; напред пропаст, назад вълци*).

з) **Усилия или тяжесть – отсутствие усилий, легкость.**

В болгарском языке эти смыслы наиболее широко представлены для описания убеждений, доводов, уговоров, т. е. речевых усилий, которые уподобляются переносу воды: *донасям/ донеса (нося) вода от девет дерета, кладенци* и др.

и) **Далеко – близко.**

В болгарском языке неизвестное пространство (оно же – далекое) представлено образом «в обезьяньем овраге» (*на маймун дере*). Т.е. с помощью «низинного» компонента.

ЛИТЕРАТУРА

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры, Москва, 2012.

Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр. Фразеологичен речник на български език, 1974.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М., 1995.

СУГАИ К.

*Токийский университет иностранных
языков, Софийский университет
им. Св. Климента Охридского*

СТРУКТУРА УДВОЕНИЯ ДОПОЛНЕНИЯ ПО МОДЕЛИ ЛЕВОЙ ДИСЛОКАЦИИ В БОЛГАРСКОМ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ ДИАЛЕКТЕ В РУМЫНИИ

Данный доклад посвящен анализу так наз. «удвоения дополнения» в болгарском переселенческом диалекте в Румынии. Под термином «удвоения дополнения» понимается двойное обозначение дополнения с помощью клитичной формы личного местоимения.

Предметом настоящего доклада является один из северо-восточных диалектов болгарского языка, а именно говор села Брэнешть, расположенного недалеко от столицы Румынии. На территории Румынии до сих пор существуют населенные пункты, жители которых в повседневном общении используют болгарский язык в различных диалектных вариантах. Брэнешть – один из таких населенных пунктов, где проживают этнические болгары, переселившиеся в данное село около 200 лет назад.

Как известно, в болгарском языке широко употребляется «удвоение дополнения», особенно в его устной форме. Данное явление отмечается и в исследованном нами говоре села Брэнешть, но следует отметить, что в этом говоре наблюдаются некоторые специфические черты при осуществлении удвоения (см. Сугаи 2014, 2015аb).

В нашем докладе, во-первых, будет рассмотрена структурная характеристика данной конструкции. Удвоение дополнения в болгарском языке чаще всего наблюдается при выдвигании именительного темы в предглагольную позицию в высказывании. Поэтому в настоящем исследовании будут проанализированы только случаи употребления удвоения по модели левой дислокации. Конструкция с удвоенным дополнением, находящимся в предглагольной позиции, имеет две разновидности с различными морфосинтаксическими характеристиками.

Во-вторых, рассматривается прагматическая функция данной конструкции. Самой важной функцией удвоения в болгарском языке является топикализация дополнения, но прагматический эффект, возникающий при использовании конструкции с удвоенным дополнением, раз-

личается в зависимости от действительно используемой конструкции. В ходе исследования контекста, в котором данная конструкция встречается, будет проанализирована ее прагматическая функция и выяснена функциональная разница между двумя разновидностями конструкции с удвоенным дополнением, находящимся в предглагольной позиции.

Таким образом, цель настоящего доклада заключается в том, чтобы выяснить структурные и функциональные особенности удвоения дополнения по модели левой дислокации в северо-восточном болгарском переселенческом говоре села Брэнешть.

ЛИТЕРАТУРА

Сугаи 2014 – *Сугаи К.* Удвояване на допълнението в българския говор на с. Брѐнѐщ, Румѐния // Проблеми на социолингвистиката. Т. XI. Велико Търново, 2014. С. 115–120.

Сугаи 2015 а – *Сугаи К.* Към въпроса за удвояването на прякото допълнение в българския говор в Румѐния (Анализ в съпоставка с румѐнския език) // Движение и пространство в славянските езици, литератури и култури. Сборник от Дванадесетите международни славистични четения, София, 9–10 май 2014. Том първи, София, 2015. С. 94–102.

Сугаи 2015 б – *Сугаи К.* За някои специфични характеристики на местоименните клитики в гребенския говор в Румѐния // Българска реч. Кн. 2. София, 2015. С. 102–109.

ЧИВАРЗИНА А.И.

Институт славяноведения РАН

ПЕРЕВОД ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЙ В БИБЛИИ И КОРАНЕ НА МАКЕДОНСКИЙ И АЛБАНСКИЙ ЯЗЫКИ

В настоящем докладе предлагается рассмотреть случаи употребления цветообозначений в священных текстах Библии и Корана в переводах на македонский и албанский язык. Перевод священных книг требует особого внимания и искусства, ведь от точно подобранного слова может зависеть, какое воздействие оно возымеет на читающего и слушающего писание. Переводы Корана принято считать переложениями, потому что арабский оригинал можно толковать с разных позиций: слова меняют свое значение в зависимости от контекста. В какой-то степени это касается и Библии. Переводчики Старого и Нового Завета всегда искали суть вещей и старались переводить смыслы, а не форму.

Коннотации, которые скрываются за тем или иным словом в языке-оригинале, не всегда могут совпадать с коннотациями языка при-

нимающего народа. Иногда они действительно близки, иногда заимствуются через священный текст, иногда же переводчику приходится подбирать соответствующие данному народу реалии. Так, например, цвет жертвенной коровы, который в Синодальном переводе звучит как «рыжая» в греческом варианте – ξανθή ‘светлая’, в Вульгате – *rufam* ‘красная’, а в арабском صفراء буквально переводится как ‘желтая’, и в албанском, и в македонском языке передан по-разному: в Коране – через лексему, используемую для обозначения желтого, в Библии – красного цвета.

В равной мере это относится и к компаративным конструкциям, которые могут встретиться в тексте. Реалия, выступающая объектом сравнения, т.е. то, с чем сравнивают, должна быть близка носителям, ведь предполагается, что они должны прочувствовать всю силу этого художественного приема. Возможно, именно поэтому компаративные конструкции с цветом весьма малочисленны. Объекты сравнения, присутствующие в пророчестве Исаи (снег и шерсть), близки рассматриваемым народам и не создают сложностей при переводе: *Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю* (Исаия 1:18).

Следует обратить внимание также на вариацию форм: прилагательное переводится не только прилагательным – могут быть использованы отглагольные и субстантивированные формы. Это не всегда оправдано с формальной точки зрения, но объясняется художественным вкусом автора.

Особого интереса заслуживают случаи использования лексем в одном и том же контексте в разных местах текста. Иногда цветообозначение опускается как нерелевантное в той или иной ситуации, а его значение передается через смыслы, заложенные в соседние слова.

Найденные совпадения и расхождения в переводах на македонский и албанский языки помогают оценить, как носители разных, но близких балканских культур видят священный текст и что выделяют как наиболее значимое.

ЯКИМОВА А.П.

Институт славяноведения РАН

ЗНАК ЗРЕЛОСТИ: О СЕМАНТИКЕ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ БОЛГАРСКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА

Верхняя одежда *врѣхна дреха* (болг.) – это те предметы народного костюма, утилитарной функцией которых является защита чело-

века от непогоды и холода: *аба*, *долама*, *кожух*, *шуба*, *ямурдук* и др. Такую одежду называют *най-горната* – букв. ‘самая верхняя’, тогда как, например, женские *сукман* или *сая*, мужской *елек* или *аба* – одежда *горната* ‘верхняя’, ей соответствует понятие ‘горничная’ в русской этнографии. Своим положением в составе костюма объединены очень разные по генезису, внешнему виду и функционированию предметы. Таким образом, под термином «верхняя одежда» понимается и грубый пастушеский *ямурдук* и расшитая золотом *салтамарка*, и праздничный, подбитый мехом *кюрк*. Для верхней одежды, по-видимому, не существенно противопоставление по полу: такой предмет мог быть один на семью, некоторые предметы перешли из мужского костюма в женский.

В обрядности семейной и календарной актуализируется связь верхней одежды с миром животным, она наделяется символикой благополучия и плодородия. Верхняя одежда может ассоциироваться с собственным домом. В социальной коммуникации она становится знаком зрелости и отражает степень состоятельности ее хозяина. Для формирования культурной семантики верхней одежды оказались в разной степени релевантными следующие признаки одежды: *материал* – мех, кожа и шерсть имеют развитую символику в славянских традициях; *длина* – для верхней одежды это важный социальный знак, он нашел отражение в терминологии; *принадлежность* – верхняя одежда обязательный атрибут жениха и невесты, что находит отклик в календарной обрядности; само *наличие* этих предметов в костюме – они появляются у человека только с созданием собственной семьи; *способ ношения* предметов верхней одежды призван актуализировать разные стороны ее семантики в обряде или социальной коммуникации; так же определенное значение имеет *цвет* верхней одежды, актуальна ее *новизна*.

Терминология и внешний вид болгарской верхней одежды обнаруживают ее глубокие связи с персидским, турецким, византийским и славянским костюмом. Семантика и обрядовое использование имеет параллели в культуре других народов, попавших в орбиту влияния Византии и Османской империи.

ЗА ПОЛИСЕМИЧНОСТА И ПОЛИФУНКЦИОНАЛНОСТА НА ДЕ (ВО КОРЕЛАЦИЈА СО АЈ) ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК

Во воведот на излагањето најпрво ќе се обидеме да одговориме на прашањето од каде доаѓа *де* во македонскиот јазик, која во *Толковниот речник на македонскиот јазик* граматички е дефинирана како партикула, извик и сврзник.

По ова ќе ги наведеме различните значења на зборчето лексемата *де* во македонскиот јазик кои се покажуваат главно во разговорниот потстил, на релацијата од првото кон второто лице, или од првото лице кон самото себе. Оттука лексемата *де* многу ретко се среќава во писмените извори, освен во оние пасажии од литературни дела во кои е застапена дијалoшка форма, како и, се разбира, во драмски текстови. Овде треба да се истакне и тоа дека оваа лексема која е семантички празна, своите значења ги добива во зависност од: 1. позицијата / поставеноста во исказот; 2. од тоа какви граматички форми следуваат пред и по неа; и 3. од интонацијата.

По оваа анализа ќе се обидеме да покажеме кога извикот и партикулата *ај* може да се замени со *де*, односно во кои значења *де* и *ај* се синонимни, а во кои *де* е незаменливо со *ај*.

Часть III

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

АМЕЛИНА А.В.

Институт славяноведения РАН

УТОПИСТ ИРЖИ ГАУССМАН

Иржи Гауссман (1898–1923) – талантливый чешский писатель-сатирик, достойно продолживший дело К. Гавличека-Боровского. Начав со стихов, он вскоре переключился на прозу, увенчавшуюся романом «Фабричное производство добродетели» (1922). После себя он оставил множество рассказов и стихотворений, часть которых вышла в нескольких сборниках, а другие, опубликованные лишь в журналах, можно считать забытыми или даже утерянными.

Помимо сатирической направленности, творчество Гауссмана отмечено склонностью к утопичности, заметному явлению чешской литературы межвоенного периода², ставшему популярной формой выражений надежд и страхов чехов в новых условиях долгожданного независимого государства. Всего в это время было издано более трех десятков утопических литературных сочинений. В 1920-е гг. в чешской среде возникает целый ряд произведений, которые называют антиутопиями: «Кракатит» (1922) и «Фабрика абсолюта» (1922) Карела Чапека, «Хозяин мира» Эмила Вахека (1925), «Дом в тысячу этажей» (1929) Яна Вайсса, рассказы Владимира Раффела и др. Есть и позитивные утопии, но они в большинстве своем лишены художественных достоинств.

Утопичность Гауссмана проявляется лишь в своем негативном варианте – все его произведения с признаками утопического мышления можно отнести к антиутопии. Положительная утопия ему не свойственна вовсе, поскольку как сатирик он в первую очередь видит свою задачу в том, чтобы выявить и высмеять недостатки существующих явлений, не щадя даже близких ему по взглядам политических партий и их деятелей и стремясь при этом развенчать утопические иллюзии и показать их нелепость. В этой связи сатира и антиутопия служат у него одной цели.

Антиутопия у Гауссмана реализуется в разной степени, но во всех жанрах, в которых он работал. В самом развернутом виде она присутствует в упомянутом выше романе, в чью основу положено не-

² *Piša A.M. Vlnautopičnosti // Piša A.M. Směry a cíle: kritické listy z let 1924–1926. Praha, 1927. S. 142–153.*

кое изобретение, якобы позволяющее превращать людей в добродетельных альтруистов, а далее высмеиваются неожиданные и катастрофические последствия этого изобретения для человечества. В более свернутом – в рассказах, например, «Метафизическое производство» (сб. «Дикие рассказы», 1922), где социальная система разоблачается на разрозненных примерах из жизни общества, и на 4–5 страницах автору удается описать целый период истории человечества. Антиутопия проникает и в поэзию: в стихотворении «Аве» (1918) высмеивается утопизм большевиков и идея революции в Чехии, а в стихотворении «Декрет» (1921) обыгрывается ситуация в будущей коммунистической Праге, где издается декрет, обязывающий население сдавать государству в интересах общего блага свои мозги. Мишенью автора становятся не только коммунисты, «предпочтения» Гауссмана варьируются в зависимости от этапа его короткого, но яркого творческого и жизненного пути.

БЫРИНА А.В.

*Институт славяноведения РАН,
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

ОБРАЗ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В РОМАНЕ ПАВЛА ВИЛИКОВСКОГО «ПЁС В ДОРОГЕ»

Павел Виликовский (род. 1941) – словацкий писатель-постмодернист, переводчик и публицист, чей творческий путь, начавшийся ещё в 1960-е гг., охватывает более столетия.

Последние пятнадцать лет являются органическим продолжением предшествующего творчества Виликовского. За это время им было написано десять книг, в которых прежние темы и поэтика получили своё дальнейшее развитие, а порой и новое осмысление. Среди них – роман «Пёс в дороге» («Pes na ceste», 2010), удостоившийся «Награды наград» («Cena cien»).

Виликовский вновь выносит в заглавие образ животного, на этот раз – пса (ср. сб. рассказов «Волшебный попугай и другие химеры» («Čarovný para gáj a iné gýče», 2005), роман «Последний конь Помпеи» («Posledný kôň Pompejí», 2001) и др.). И этот пёс, старый скиталец, – герой-протагонист романа, о котором нам известно немного. Отождествление героя с псом, с одной стороны, является метафорой его деятельности, его образа жизни, а с другой – герой познаёт мир, подобно псу, используя все органы чувств: вдыхает запахи, прислушивается к голосам – и лишь потом даёт описание увиденному. Некий Икс Ипси-

лон старшего среднего возраста, был некогда женат, по профессии он литературный редактор, тот, кто придаёт сырым литературным текстам законченный и совершенный вид. Мы встречаем его во время путешествия по Австрии, где он, как от него ожидают, изображает из себя настоящего словака, читая лекции о словацкой литературе. Роман обладает довольно нечёткой фабулой и не имеет логической концовки, в нём сильно эссеистическое начало (герой подолгу размышляет о литературе и писателях – словацких, немецких, американских, музыке, взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, семейных ценностях, национальной специфике). Путешествия, дороги как таковой (за исключением посещения мест, связанных с именем «любимого нелюбимого» писателя Икса Ипсилона – крупнейшего австрийского прозаика и драматурга Томаса Бернхарда (1931–1989)) мы в романе не видим. Настоящее путешествие – размышления и воспоминания героя. В них Томас Бернхард играет роль спутника, пожалуй, даже некоей неотделимой части, альтер эго героя. С Бернхардом Икс Ипсилон полемизирует, им восхищается, с ним советуется.

Своих соотечественников, впрочем, как и венгров, немцев, австрийцев и американцев, герой описывает с иронией, за которой мы видим самого Виликовского. Это ирония скептика и реалиста, готового иронизировать и над самим собой. В романе действительно много того, что роднит его с другими произведениями писателя: тема путешествия по чужой стране, описание нравов её жителей, тема национального, сама форма описания – дневниковые записи. Всё это вписывает роман в метатекст произведений Виликовского. Сам писатель обращал внимание на то, что со временем его герои-повествователи меняются, взрослеют и старятся, как и он сам. И Икс Ипсилон воплотил в себе ту третью, последнюю, пору.

Колянов А.Ю.

*Санкт-Петербургский
государственный университет*

ГОТИЧЕСКИЙ РОМАН В ЧЕШСКОМ МОДЕРНИЗМЕ

Чешская литература после провозглашения Первой Чехословацкой республики в 1918 г. переживала бум литературных течений и направлений. Следуя основным европейским литературным тенденциям, чешские писатели и поэты искали новые творческие пути и методы, обращаясь и к жанрам предшествующих литературных эпох. Так, например, представители чешского авангарда, позднего декадентства, сюрреализма использовали средневековые сюжеты, готические моти-

вы, свойственные жанру готического романа или «романа тайн и ужасов». Особенности этого жанра посвящено немало трудов. Вадим Эразмович Вацуро отмечал, что основными принципами готического романа являются «соединение “средневекового” и “современного” повествования, фантастических вымыслов первого и правдоподобия второго; правдоподобия и поведения “в необычайных обстоятельствах”»³. При всем многообразии определений думается, что к готическим романам могут относиться те произведения, которые были охарактеризованы так самими авторами, как это было в случае с первыми готическими романами Хораса Уолпола, Клары Рив, Анны Радклиф и других.

Готические мотивы прослеживаются в произведениях экспрессионистов и декадентов 1920-х гг. Так, уникальный синтез изобразительного и литературного искусств «Кровавый роман» («Krvavý román», 1924) Йозефа Вахала насыщен магическими, оккультными, фольклорными сюжетами, почерпнутыми отчасти из увлечения автора «крамаржскими песнями» и низкой народной литературой XVIII–XIX вв.⁴ В рассказах эпатажного философа, поэта и прозаика Ладислава Климы «Путешествие в город Д.» («Cestuje do města D.»), «Жуткий конец Фабюса» («Příšerný konec Fabiův»), а также в его романе «Страдания князя Штерненгоха» («Utrpení knížete Sternenhocha», 1928) присутствуют мистицизм, иррациональность, аномальность изображаемых состояний, отсылающие к «страшному» и мистическому в творчестве Эдгара По⁵.

Наконец, книга выдающегося поэта и прозаика Витезслава Незвала «Валерия и неделя чудес» («Valerie a týden divů», 1935) подписана автором как «šerný román», что прямо отсылает к жанру готического романа. К периоду создания произведения относится отход Незвала от придуманного им поэтизма к сюрреализму. Включая в текст традиционные элементы поэтики первых готических романов, Незвал помещает действие в пространство бессознательного. Готический образ происходящего оказывается продуктом сублимации эмоций и страхов главной героини, а само повествование разворачивается по логике сна. Здесь Незвал реализует установку «увидеть невидимое», заданную в его собственном сюрреалистическом методе⁶.

Таким образом, представляется, что жанр готического романа для поэтов и писателей чешского модернизма стал своего рода литературной оболочкой, в которую они вписали новые, новаторские для

³ Вацуро В.Э. Готический роман в России. М., 2002.

⁴ Вахал Й. Кровавый роман. Тверь, 2006.

⁵ Клима Л. Страдания князя Штерненгоха. Тверь, 2007.

⁶ Уффельман Д. «Невидимая Москва» Витезслава Незвала и «пакт лицемерия» литературы о путешествиях // Синий диван. 2008. №13. [Электронный ресурс]: URL: http://www.intelros.ru/pdf/siniy_divan/01/5.pdf (дата обращения 09.05.16).

своего времени приемы и смыслы, что не только обогатило национальную литературу, но и усовершенствовало сам жанр.

МАСЛОВА К.К.

Институт славяноведения РАН

ВОПРОС «ТЕМАТИЧЕСКОГО ГЕНЕЗИСА» В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ДРАМАХ К. ЧАПЕКА И А.Н. ТОЛСТОГО

В литературоведении достаточно широко известен тот факт, что А.Н. Толстой литературно переработал пьесу Карела Чапека «R.U.R.». О том, что «Бунт машин» – переделка драмы чешского автора, писал и сам Алексей Толстой в предисловии к первому изданию пьесы: «Написанию этой пьесы предшествовало мое знакомство с пьесой «ВУР» чешского писателя К. Чапека. Я взял у него тему...» (по-чешски пьеса Чапека называется «R.U.R.», то есть «Россумовы универсальные роботы», в немецком же переводе – «ВУР», так как фамилия ученого здесь не Россум, а Верстанд – *Werstand*)⁷. Точно так же названа пьеса и в договоре с Г.А. Кролем. Схожесть «Бунта машин» с «R.U.R.» отмечалось и критиками 20-х гг., и рядом авторов позднейших работ как о творчестве Карела Чапека, так и об Алексее Толстом. Тем не менее, вопрос о творческих связях Толстого и Чапека и по сей день ещё не может быть решённым. В статьях и рецензиях 20-х гг. новое для советской литературы обращение к обработке заимствованного сюжета подчас встречалось с недоумением, а иногда – и с намеками на плагиат. Поясняя своё отношение к пьесе «R.U.R.», Алексей Толстой указывал в предисловии к первому изданию «Бунта машин»: «Моё решение взять чужую тему было подкреплено примерами великих драматургов»⁸. О полной необоснованности упреков в плагиате уже тогда справедливо писал один из критиков Толстого Э. Голлербах: «Если в пьесе «Смерть Дантона» Толстой использовал драму Бюхнера, если в пьесе «Бунт машин» он взял сюжет пьесы Чапека «ВУР», то это может нас интересовать только как явление тематического генезиса, а не как событие криминального порядка»⁹. Но вопрос «тематического генезиса» «Бунта машин» в полном объеме поставлен так и не был. Даже в наиболее крупных и интересных работах об А.Н. Толстом (например,

⁷ *Макина М.А.* Творчество А.Н. Толстого 20-х годов (1922–1930 гг.). Л., 1955. С. 76.

⁸ *Толстой А.Н.* Собрание сочинений. Т. 10. М., 1958. С. 48.

⁹ *Голлербах Э.С.* Алексей Николаевич Толстой. Л., 1927. С. 51.

монографиях В. Щербины¹⁰) пьеса «Бунт машин» почти полностью выпадает из поля внимания исследователей и лишь перечисляется в ряду близких к ней по проблематике и содержанию произведений («Гиперболоид инженера Гарина», «Аэлита», «Союз пяти»). В ряде других случаев игнорируется его связь с «R.U.R.» Чапека, без него, естественно, невозможен разносторонний анализ пьесы Толстого.

В некоторых работах такая связь все же прослеживается, но, как нам представляется, не вполне объективно. Так, в работе М.А. Макиной совершенно справедливо перечисляются те стороны позиции Толстого, которые сближают его с Чапеком, и те, в которых видно отличие их взглядов¹¹. Но основная задача иная – исследователь стремится показать, как Толстой «улучшил» пьесу Чапека, «преодолев» слабые стороны подлинника. При анализе «Бунта машин» центральное место отводится вопросу о преодолении Толстым «мелкобуржуазной ограниченности Чапека».

Пьеса Алексея Толстого была частью того общего резонанса, который пьеса Чапека уже в 20-х гг. получила у нас в стране. В то же время «Бунт машин» никоим образом не был дубликатом перевода, а представлял собой написанное под влиянием Чапека собственное произведение Толстого.

МОРУГИНА А.С.

*Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ В ОБРАЗАХ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНОВ ДРАГО ЯНЧАРА

Прозаик, эссеист и драматург Драго Янчар (род. 1948) является одним из выдающихся и самых переводимых современных словенских авторов, чьи произведения были отмечены национальными и международными литературными премиями. Доминирующее место в его творчестве занимает экзистенциальная философская проблематика и связанная с ней проблема существования отдельно взятой личности, которая находится в условиях противостояния власти и истории.

Характерный для янчаровской прозы и драматургии тип героя-аутсайдера формируется в 1970-е гг., в так называемое «свинцовое»

¹⁰ *Щербина В.Р.* А.Н. Толстой (критико-биографический очерк). М., 1955; *Щербина В.Р.* А.Н. Толстой. Творческий путь. М., 1956; *Щербина В.Р.* Научно-фантастические произведения А.Н. Толстого. М., 1955.

¹¹ *Макина М.А.* Указ. соч. С. 53.

десятилетие недавней истории СФРЮ. Реагируя на общественные противоречия своего времени, писатель исследует противопоставление «власть-индивидуум» в сфере политики и морали и одним из первых в словенской литературе создает востребованный культурной средой той поры образ героя-одиночки. Наиболее яркое воплощение этот образ находит в романе «Галерник» (1978). Спасаящегося бегством от гонений инквизиции Йохана Ота отличает интеллектуальность, аполитичность, поиск смысла жизни и сущности истории, стремление к свободе, а также несогласие с насилием и злом в обществе.

Во многом наследует черты Ота коммивояжер Йозеф Эрдман, герой романа «Северное сияние» (1984), где события разворачиваются накануне Второй мировой войны в словенском Мариборе. Герой осознает, что Европа стоит перед угрозой Апокалипсиса, однако Эрдман далек от политики и революционных настроений: единственно возможной формой свободы для него в это трагическое время становится безумие.

Роман «Звон в голове» (1998) открывает новый этап в эволюции героя Янчара. На место персонажа, бегущего от окружающей действительности, приходит борец за человеческое достоинство, заявляющий о своем праве на внутреннюю свободу вопреки законам эпохи, в которую он живет. Вслед за А. Камю (эссе «Бунтующий человек», 1951) Янчар видит в бунте способ проявить солидарность с людьми и одновременно заявить о своем протесте.

Протагонисты Янчара – люди «на грани», находящиеся в самом низу социальной лестницы, вынужденные жить в мире абсурда и насилия. Безыдейность и внутренняя независимость обрекают их на одиночество: они чужды окружающему миру, и мир враждебен по отношению к ним. Экзистенциальный мотив отчужденности доводится автором до буквализма: все его герои – мигранты, покинувшие родные края, утратившие национальную идентичность. Во время странствий герои оказываются в «пограничной ситуации» перед выбором: подчиниться существующему порядку или восстать против него. При этом путешествие отражает внутреннее развитие (как эволюцию, так и инволюцию) героя, а временная остановка в пути – душевный кризис. Фундаментальное для экзистенциальной философии понятие подлинной свободы, т.е. независимой от внешних факторов, герои обретают в парадоксальной ситуации – в заключении (на галере, в психиатрической клинике, в тюрьме).

ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ В ПОЭЗИИ Э. БАГРЯНЫ (ПЕРЕВОДЫ А. АХМАТОВОЙ)

Элисавета Багряна (1893–1991) в начале своего творческого пути писала стихи о горькой женской доле и безоговорочной преданности своему избраннику. На её творчество большое влияние оказала А. Ахматова, хотя назвать акмеистом Э. Багряну всё же нельзя. Их судьбы и творческий метод были в определённой степени схожи, типологическое сходство их творчества очевидно. Также поэтессы в разное время переводили произведения друг друга. Багряна переводила Ахматову из удовольствия, находя в её сборниках источник вдохновения, тогда как Ахматова переводила Багряну наряду с другими поэтами, нуждаясь в деньгах.

Как правило, Ахматова переводит стихотворения Багряны, добавляя в них своё видение лирической героини. Например, она вольно обращается с лексикой, несколько меняя женский образ в сторону большей динамичности и энергичности:

*А внучката **ще носи** всичко: името,
очите, устните, косите – на
незримата.* *И внучка **оживит неотвратимо**
Глаза и губы той, что нам незрима¹².
незримата.*

Встречающиеся у Багряны тройки однородных членов предложения Ахматова, как правило, урезает до двух, находя для передачи смысла другие средства.

На первый план выходит «я» лирической героини:

*Это, минахме сънни гори Гор дымятся внизу алтари,
и **летим** над морета и суша... **Вижу** смутные море и землю¹³.*

Из объекта действия героиня в переводе становится субъектом. Также Ахматова вносит изменения в пунктуацию (восклицательные знаки вместо точек в оригинале).

***Напрасно.** Отровата вече проникна.
В кръвта ми кияща се вля.* ***Напрасно!** Отрава горячей струею
Тревожную кровь обожгла...¹⁴*

¹² «Вечная».

¹³ «Забутье».

¹⁴ «Видение».

Вместе с этим Ахматова меняет и лексику оригинала, иногда с прямо противоположным смыслом:

*И чувствую ввече – на плещите **ник-нат** две силни, две волни крила. И вот уж **взвились** у меня за спиною Два сильных, два вольных крыла.*

Таким образом, можно сделать вывод, что стихотворения Багряны в переводе Ахматовой изменяются в пользу большей динамичности женского образа.

Шатько Е.В.

Институт славяноведения РАН

(САМО)ЦИТИРОВАНИЕ В ПРОЗЕ М. ПАВИЧА

Литература постмодернизма – литература цитирования, так как игра с читателем основана в первую очередь на эффекте узнавания того или иного знака (видоизмененного или нет), то есть на цитировании сюжетов, мотивов, образов или существующих текстов. В данном докладе будут рассмотрены три типа цитирования, характерные для художественного метода М. Павича: собственно цитирование существующих текстов, ложная цитация и самоцитирование. Так, например, в романе «Хазарский словарь» он приводит цитаты из средневековых хроник, в романе «Внутренняя сторона ветра» – из поэмы Мусея Грамматика «Любовь и смерть Геро и Леандра», в «Другом теле» писатель часто ссылается на религиозные тексты. Также в своих произведениях Павич часто приводит строки из несуществующих произведений: роман-антология «Бумажный театр» целиком состоит из рассказов выдуманных писателей. Ряд устойчивых образов и мотивов, переходящих из произведения в произведение, можно считать самоцитированием: мотив жизни во сне встречается едва ли не во всех его романах, хазарское слово «ку» упоминается не только непосредственно в «Хазарском словаре», но и в романе «Другое тело». Прямые цитаты помогают автору добиться эффекта большей достоверности, такие цитаты, в определенном смысле, похожи на отсылки к авторитетным источникам, которые придают вес словам одной из сторон в споре. Ложное цитирование в произведениях М. Павича могут быть двух типов: намеренно измененная цитата известного текста или вымышленные строки из несуществующего источника. Первый тип можно считать частью игры с читателем, заметит ли тот изменение текста, проверит ли или доверится автору. Второй тип позволяет расширить ряд «авторитетных источников»,

на которые ссылаются герои и сам автор. Самоцитирование, в свою очередь, образует мотивные, образные и сюжетные переключки между произведениями, которые высвечивают важные для автора темы. Таким образом, (само)цитирование является важной частью художественного метода М. Павича.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Славянский мир:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ**
Москва, 24 мая 2016 г.

ТЕЗИСЫ
МОЛОДЕЖНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
В РАМКАХ Дней славянской письменности и культуры

Редколлегия:
А.В. Амелина,
Н.С. Гусев,
А.А. Леонтьева,
Г.П. Пилипенко,
М.В. Ясинская,
отв. ред.: Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова.

Оригинал-макет – А.А. Улыбина

Подписано в печать 20.05.2016 г. 4,1 п.л.
Формат 60х90/16.